

Всеволод Сергеевич Соловьев

Пансион (Проза)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

Содержание

#1	0004
I	0005
II	0023
III	0044
IV	0057
V	0073
VI	0083
VII	0098
VIII	0104
IX	0112

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
Пансіонъ

Изъ «Книги моей жизни».

Передо мной тетради, озаглавленные: «Книга моей жизни», — и мнѣ предоставлено право распоряжаться ими по моему усмотрѣнію. Большая часть изъ того, что заключается въ этихъ тетрадяхъ, еще очень не скоро, по различнымъ соображеніямъ, можетъ появиться въ печати. Но я намѣреваюсь, время отъ времени, сокращая и перемѣняя имена, печатать нѣкоторыя эпизоды, быть можетъ, и не безынтересные для читателя. Автора «Книги моей жизни», отъ лица котораго ведется рассказъ, я назову Гавріиломъ Веригинымъ. Возьму для начала нѣсколько главъ изъ его отрочества, а именно изъ того времени, когда ему впервые пришлось столкнуться съ чужими людьми и получить впервые уроки жизни. Главы эти составляютъ совершенію законченный рассказъ.

Въ началѣ шестидесятихъ годовъ, на перекресткѣ двухъ центральныхъ и бойкихъ московскихъ улицъ, вблизи отъ Кремля стоялъ большой трехъ-этажный домъ. Онъ былъ не на виду, въ глубинѣ двора, и сразу никакъ нельзя было рѣшить — каково его назначеніе. Онъ не походилъ ни на барское жилище, ни на домъ, устроенный подъ частныя квартиры; казеннаго въ немъ то-же ничего не было. Никакая вывѣска на воротахъ или на самомъ зданіи не отвѣчала на вопросъ заѣзжаго человѣка.

Но въ Москвѣ, однако, домъ этотъ пользовался значительной извѣстностью. Въ немъ помѣщался мужской пансіонъ Тиммермана, считавшійся тогда самымъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ, достигшій высшей степени процвѣтанія и вообще бывшій въ большой модѣ.

Здѣсь воспитывалось около трехсотъ мальчиковъ и юношей. Большинство изъ нихъ были полными пансіонерами, то-есть жили круглый годъ въ пансіонѣ. Ихъ привозили,

главнымъ образомъ, изъ деревень и даже съ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи. Между воспитанниками попадались дѣти старинныхъ дворянскихъ семей, затѣмъ дѣти богатаго купечества и московскихъ иностранцевъ, а также сыновья личныхъ пріятелей Тиммермана и всѣхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ пансіону, то-есть учителей и воспитателей. Наконецъ, по странному стеченію обстоятельствъ, репутація этого московскаго разсадника просвѣщенія, достигая предѣловъ Закавказья, особенно плѣняла богатыхъ армянъ. Каждый годъ, къ началу учебнаго времени, число тиммермановскихъ воспитанниковъ увеличивалось нѣсколькими маленькими армянчиками. Они носили самыя невѣроятныя фамиліи, вродѣ Наракеціанцъ, Карапетіанцъ, Мамиконіанцъ, у нихъ въ карманахъ непременно были цѣлые запасы кишмишу, и съ двѣнадцатилѣтняго возраста они уже обростали бородой и усами...

Въ этотъ-то пансіонъ и рѣшено было меня отдать. Мнѣ только что минуло тогда двѣнадцать лѣтъ. Отецъ, по своимъ новымъ обязанностямъ, долженъ быть проводить

всю, осень, зиму и весну въ Петербургѣ, мать не рѣшалась надолго покидать его и, когда она уѣзжала въ Петербургъ, большой домъ, наполненный дѣтьми, оставался на рукахъ бабушки. Бабушка, опасаясь, что со мною, уже большимъ мальчикомъ и «упругимъ» — по ея выраженію — ей не сладить, кажется, первая напала на мысль о пансіонѣ.

Узнавъ, что меня хотятъ отдать къ Тиммерману, я очень обрадовался. Пансіонъ сразу же представился мнѣ во всѣхъ подробностяхъ. Я передъ тѣмъ читалъ интересную книгу о древнихъ аѳинскихъ школахъ и мнѣ казалось, что пансіонъ — именно, такая школа. Я даже не могъ сообразить, охваченный фантазіей, что въ Москвѣ, среди зимнихъ морозовъ, — никакъ немислимы мраморные портики, безоблачное небо, юноши въ бѣлоснѣжныхъ тогахъ, однимъ словомъ, все то, о чемъ я читалъ въ моей книгѣ.

Но въ то утро, когда мать повезла меня къ Тиммерману мнѣ вдругъ стало очень жутко. Моя робость и тоска особенно усилились, когда наша низенькая, обитая желтымъ трипомъ карета въѣхала въ ворота и когда лошади

остановились передъ подъѣздомъ. Я едва видѣлъ, сквозь заледенѣвшія каретныя стекла, какъ нашъ лакей Николай соскочилъ съ козелъ и, путаясь въ своей длинной, неуклюжей ливреѣ, кинулся къ подъѣзду и позвонилъ. Потомъ мы какъ-то вдругъ, будто въ одинъ мигъ, очутились съ матерью въ незнакомой передней. Николай и другой лакей, съ очень заспаннымъ и въ то-же время веселымъ лицомъ, снималъ съ насъ шубы. Потомъ мы поднимались по лѣстницѣ. Заспанный и веселый лакей, вѣрно, хотѣлъ показать, что онъ здѣсь не послѣднее лицо. Онъ обратился къ матери:

— Сейчасъ, сударыня, сейчасъ я доложу Карлу Романовичу, вы пока извольте вотъ сюда пройти и обождать... здѣсь, въ пріемной.

— А вы баринъ молодой, — фамильярно сказалъ онъ мнѣ:— вѣрно, учиться у насъ желаете? Дѣло хорошее, милости просимъ!..

Онъ ушелъ. Я очнулся. Мы теперь были въ небольшой пріемной, уставленной старинной краснаго дерева мебелью, съ зелеными кожанными сидѣньями. Огромные, тоже краснаго дерева часы въ водѣ какой-то баш-

ни, возвышавшейся чуть-ли не до самаго потолка, степенно и глухо отбивали секунды, и ярко-блестящій, тяжелый маятникъ тихо ходилъ взадъ и впередъ за стеклянной дверцей.

— Раня, что это ты такъ странно смотришь? — ласково проговорила мать, порывисто обнявъ меня и цѣлуя. — Неужели трусишь?

— Нѣтъ, мама, я нисколько не трушу.

Но я ей солгалъ. Я трусилъ страшно и при этомъ мнѣ было такъ тяжело, что хотѣлось даже плакать. Однако, я тотчасъ-жо принялъ бодрый и спокойный видъ и чинно сѣлъ подлѣ матери.

Намъ пришлось ждать недолго. Дверь отворилась, въ пріемную дробнымъ шагомъ, будто подгоняемый кѣмъ-то, не вошелъ, а почти вбѣжалъ Тиммерманъ. Это былъ маленькій, плотный нѣмецъ, лѣтъ, около пятидесяти, съ некрасивымъ, краснымъ, очень серьезнымъ и старавшимся казаться еще серьезнѣе лицомъ, съ большою лысиной, прикрываемой, длинной прядью черезъ всю голову зачесанныхъ волосъ. Но такъ какъ Тиммерманъ спокойно сидѣть и ходить не

умѣль, а постоянно двигался и носился, то прядь эта очень скоро слетала со своего мѣста, обнаруживая именно то, что должна была скрывать, и производя довольно неожиданный и странный эффектъ.

При этомъ онъ имѣлъ обычай, когда двигался, склонять голову на сторону, что довершало его сходство съ оторвавшейся отъ тройки на всемъ скаку пристяжной толстенной лошадкой. Все это я, несмотря на свое смущеніе, сразу-же замѣтилъ.

Тиммерманъ любезно раскланялся съ моей матерью, пригласилъ ее помѣститься на диванъ, самъ пододвинулъ себѣ кресло и бросилъ изъ-подъ своихъ золотыхъ очковъ взглядъ на меня. Я вспыхнулъ и опустилъ глаза.

Мать заговорила по-французски и, сама, видимо, смущаясь, спросила Тиммермана, получилъ-ли онъ письмо ея.

— Mais oui, madame, comment donc... certainement! — отвѣтилъ онъ скрипящимъ тонкимъ голосомъ, привычно, но съ дурнымъ акцентомъ выговаривая французскія слова. — Вѣдь, уже это около двухъ недѣль... и я

давно ждалъ васъ.

— Да, я думала тогда-же и прїѣхать, но мой сынъ расхворался, и вотъ только теперь я могла привезти его къ вамъ...

— М-м... mon enfant! — стараясь казаться ласковымъ, проговорилъ Тиммерманъ и взялъ меня за руку своей красной съ короткими, будто обрубленными пальцами рукой. — Не нужно хворать, это не хорошо, нужно быть бодрымъ, здоровымъ, — у меня тутъ всѣ дѣти бодрыя и здоровыя.

— Je me porte bien maintenant, monsieur! — дрожавшимъ голосомъ шепнулъ я.

Между тѣмъ, моя мать, какъ всегда, смущаясь передъ незнакомымъ человѣкомъ и робко глядя своими темно сѣрыми глазами, говорила Тиммерману:

— Онъ у меня очень нервный и впечатлительный... Но мнѣ всѣ въ одинъ голосъ совѣтуютъ воспитывать его не дома, а въ учебномъ заведеніи. Онъ долженъ роста окруженный товарищами...

— О! это необходимо, необходимо! — вставилъ Тиммерманъ.

— Очень можетъ быть! — грустнымъ тоно-

мъ сказала мать. — Я слышала много хорошаго о нашемъ заведеніи, и мы рѣшили поручить его вамъ... Онъ будетъ жить у васъ, а праздники проводить дома.

Я крѣпился изо всѣхъ силъ и не мигая смотрѣль на медленный и почему-то казавшійся мнѣ страннымъ и непонятнымъ ходъ огромнаго блестящаго маятника.

Моя мать и Тиммерманъ, условились о подробностяхъ. Тиммерманъ увѣряль, что мнѣ будетъ хорошо, что и онъ, и жена его обратятъ на меня исключительное вниманіе и будутъ постоянно слѣдить за мною.

Мать то краснѣла, то блѣднѣла. Я видѣль, что она хочетъ сказать что-то — и не рѣшается. Наконецъ, она рѣшилась.

— Я одного боюсь, — сказала она, — какъ это онъ, съ непривычки, будетъ спать въ большомъ дортуарѣ...

Тиммерманъ мотнулъ головою, глубоко-мысленно сжалъ губы и вдругъ крикнуль:

— Въ такомъ случаѣ я вотъ что сдѣлаю. У меня есть комната, гдѣ помѣшаются четыре самыхъ лучшихъ ученика изъ старшихъ классовъ. Это благоразумные молодые люди, и

отъ нихъ онъ, надѣюсь, не увидитъ дурного примѣра. Я помѣщу его съ ними. Если угодно, пойдѣте, я сейчасъ покажу его будущую спальню...

Мы поднялись по широкой лѣстницѣ въ третій этажъ.

Я, право, кажется, боясь что вотъ того и гляди полъ разступится передо мною и меня поглотитъ бездонная пропасть, слѣдовалъ за матерью и Тиммерманомъ. Этотъ Тиммерманъ, съ его краснымъ лицомъ, золотыми очками и развѣвающимся прядью волосъ, казался мнѣ очень страшнымъ и таинственнымъ, Даже его ободрительнымъ тономъ повторяемое: «M-m... mon enfant!» только еще усиливало мою тоску и трепетъ.

— Da sind unsere Schlafzimmern! — объяснялъ Тиммерманъ, отворяя то одну, то другую дверь.

Передо мною мелькнули длинныя, унылыя комнаты, заставленныя рядами желѣзныхъ кроватей. Я еще никогда не видалъ тогда больничныхъ палатъ, и потому не могъ найти тутъ съ ними сходства. Мнѣ эти дортуары просто, безъ всякаго сравненія, по-

казались чѣмъ-то уже совсѣмъ ужаснымъ. Несмотря на ясное морозное утро, въ нихъ было мрачно, холодно и сразу изъ отворенной двери обдавало дурнымъ воздухомъ.

Я видѣлъ, какъ моя мать невольно поморщилась.

Тиммерманъ тоже вѣрно замѣтилъ произведенное на нее впечатлѣніе и поспѣшилъ объяснить:

— Здѣсь еще не топлено, теперь только что убрали, потомъ откроютъ форточки на два часа и затѣмъ уже топятъ печи къ вечеру. А воспитанниковъ въ теченіе дня въ дортуары не пускаютъ...

— Aber bitte! — заключилъ онъ, поспѣшно закрывая двери, указывая дорогу дальше и несясь впередъ такъ, что мы едва за нимъ поспѣвали.

Пройдя еще одинъ корридоръ, мы вошли въ просторную комнату, наполненную книжными шкапами, съ большимъ письменнымъ столомъ и витринами съ коллекціями минераловъ. Тутъ-же помѣщалась электрическая машина, а въ углу, на подставкѣ, стоялъ челоѳческой скелетъ.

Я взглянулъ на него и тотчасъ-же опустилъ глаза отъ ужаса. Я хорошо зналъ, что это такое, но до сихъ поръ видалъ скелеты только на картинкахъ. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ черепъ глядитъ прямо на меня своими двумя большими круглыми глазными впадинами и насмѣшливо скалится зубы.

— Это мой рабочій кабинетъ! — сказалъ Тиммерманъ. — Вотъ тутъ рядомъ и комната, про которую я говорилъ. Вы видите, онъ будетъ всегда подъ моимъ наблюдениемъ...

Онъ подошелъ къ запертой на ключъ двери, отворилъ ее, и мы вошли въ просторную спальню, гдѣ стояло четыре кровати, но было достаточно мѣста, по крайней мѣрѣ, еще для четырехъ. Эта комната производила уже нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ общіе дортуары. Воздухъ въ ней былъ гораздо лучше, кровати имѣли опрятный видъ, у каждой кровати стоялъ столикъ. Между двумя низенькими окнами помѣщался большой столъ и нѣсколько стульевъ:

— Вотъ тутъ онъ можетъ иногда, если захочетъ, и заниматься, приготавливать уроки! — замѣтилъ Тиммерманъ.

— Да, конечно, здѣсь ему будетъ лучше! — сказала моя мать, осматривая спальню.

Не будь этой комнаты, она бы, я думаю, не говоря худого слова, увезла меня и не отдала въ пансіонъ.

Тиммерманъ опять взялъ меня за руку, опять ободрительно проговорилъ: «M-m... mon enfant» и спросилъ, когда же я окончательно пріѣду?

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — отвѣтила мать. — Я уѣзжаю на этихъ дняхъ въ Петербургъ и хотѣла бы все это устроить до моего отъѣзда.

— Это очень легко! — сказалъ Тиммерманъ, подергивая себя двумя пальцами за кончикъ лоснившагося, краснаго носа, что, какъ я потомъ узналъ, онъ всегда дѣлалъ въ болѣе или менѣе рѣшительныя минуты. — Хоть завтра же мы готовы принять его и, чтобы не терять времени, сейчасъ мы и рѣшимъ, въ какой классъ онъ поступить... немножко проэкзаменуемъ...

У меня похолодѣли руки и ноги, и замерло сердце. Я уже совсѣмъ ни помнилъ, какъ мы вышли изъ спальни, какъ прошли мимо

страшнаго скелета, какъ спустились по лѣстницѣ и снова очутились въ зеленой пріемной съ медленнымъ, унылымъ маятникомъ.

Тиммерманъ какъ-то бокомъ подскочилъ къ стѣнѣ, на которой въ деревянной рамкѣ висѣло распредѣленіе уроковъ по классамъ.

— Учитель исторіи теперь свободенъ, а потомъ можно будетъ и изъ другихъ предметовъ проэкзаменовать.

Онъ отворилъ дверь въ слѣдующую за пріемной комнату и крикнулъ своимъ скрипучимъ дискантомъ:

— Касподинъ Ифановъ, пожалуйста въ пріемная!

Хотя я и очень былъ встревоженъ и растерянъ, но все же голосъ Тиммермана живо напомнилъ мнѣ въ первой разъ запѣвшаго молодого пѣтуха.

Вошелъ неуклюжій, длинный, сухой человекъ среднихъ лѣтъ съ маленькими слезившимися глазками, съ красноватымъ носомъ и желтыми длинными волосами, падавшими на лобъ. Тиммерманъ представилъ его моей матери и сталъ объяснять, въ чемъ

дѣло. Между тѣмъ я пристально глядѣлъ на этого некрасиваго и страннаго, одѣтаго въ потертый черный фракъ человекъ. Я тотчасъ-же замѣтилъ, что этотъ господинъ то и дѣло поправляетъ и надвигаетъ себѣ на лобъ волосы блѣдной дрожавшей рукою, и къ изумленію своему, увидѣлъ у него подъ волосами большую мясистую шишку. Ее-то такъ тщательно и прикрывалъ Ивановъ.

Выслушавъ Тиммермана, Ивановъ обратился ко мнѣ и улыбнулся.

— Ну, пожалуйста сюда, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ и опять улыбнулся.

И вдругъ, несмотря на все мое волненіе, на тоску, страхъ и ужасъ, я тоже улыбнулся ему въ отвѣтъ и сразу почувствовалъ, что люблю и его, и его старый потертый фракъ, и его красный носъ, и слезящіеся глазки, и безобразную, плохо прикрывающуюся волосами шишку,

Я бодро подошелъ къ Иванову и вопросительно взглянулъ на него. Онъ посадилъ меня рядомъ съ собою и сталъ задавать мнѣ вопросы, сначала изъ русской, потомъ изъ всеобщей исторіи.

Если-бы не было здѣсь страшнаго Тиммермана, я не сталъ-бы смущаться, но теперь, на первыхъ порахъ, мнѣ трудно было набраться храбрости. Впрочемъ, я скоро оправился, забылъ о Тиммерманѣ, видѣлъ только улыбавшееся доброе лицо Иванова и хорошо отвѣтилъ почти на всѣ вопросы.

— Молодецъ! — сказалъ учитель и, обращаясь къ моей матери, прибавилъ:- изъ исторіи мы и въ третьемъ классѣ не осраимся!

Затѣмъ онъ всталъ, неуклюже раскланялся, обмѣнялся со мной улыбкой, будто мы были старые знакомые и, согнувшись, немного волоча правую ногу, вышелъ изъ пріемной.

— Très bien! très bien, mon enfant! — проскрипѣлъ Тиммерманъ.- Maintenant venez un peu... скажите мнѣ, что вы знаете, чему вы учились изъ другихъ предметовъ?

Я съ запинкой, путаясь съ словахъ, сталъ объяснять свои познанія. При этомъ я часто поднималъ на мать умоляющій взглядъ. Но она сидѣла съ напряженнымъ выраженіемъ въ лицѣ и вообще съ такимъ видомъ, будто сама экзаменовалась.

Скоро, однако, все испытаніе было окончено, и Тиммерманъ сказалъ, потирая себѣ носъ:

— У насъ приготовительный классъ, затѣмъ первый, второй и такъ до шестого. Шестой самый высшій и изъ него молодые люди, какъ вамъ извѣстно, поступаютъ въ университетъ. Вашъ сынъ поступитъ во второй классъ. Одно жаль, что онъ плохо знаетъ нѣмецкій языкъ, только, кажется, у него хорошія способности, и я надѣюсь, онъ скоро научится. Потомъ латинскій языкъ... дѣти начали его во второмъ классѣ съ сентября, но я самъ его подготавливаю и онъ въ мѣсяць нагонитъ товарищей.

— Да, у него хорошія способности, — сказала моя мать:— но только онъ очень нервенъ, и ему сразу нельзя много заниматься.

— О, не беспокойтесь, ему не будетъ трудно, онъ почти по всѣмъ предметамъ готовъ для третьяго класса, такъ что ему придется только заняться нѣмецкимъ и латинскимъ языкомъ.

Было рѣшено, что меня привезутъ окончательно черезъ день. Моя мать вручила Тим-

мерману деньги, онъ помчался въ «учительскую» и скоро вернулся съ роспиской. Затѣмъ онъ потрепалъ меня по плечу и сказалъ: — «M-m... mon enfant, au revoir! l'espère — vous vous trouverez bien chez nous.

Послѣ этого онъ съ любезными поклонами проводилъ насъ въ переднюю и скрылся.

Когда мы очутились опять въ каретѣ, выѣхали изъ воротъ, и прозябшія лошади быстро понесли насъ по направленію къ дому, мать обняла меня.

— Ну, что, вѣдь, кажется, не страшно?

— Нѣтъ, не страшно, и знаешь, мама, вѣдь, этотъ учитель исторіи, Ивановъ, онъ должно быть очень добрый... отчего у него шишка?

— Какая шишка?

— А на лбу, подъ волосами...

— Я не замѣтила.

Всю дорогу я молчалъ, разбираясь въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ. Я вспомнилъ страшный скелетъ и сообразилъ, что буду спать рядомъ въ комнатѣ. Нервная дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Я хотѣлъ сказать объ этомъ матери, но мнѣ стыдно стало за мою трусость и я постарался не думать о ске-

летъ.

Было половина девятого вечера. Въ большой, длинной и холодной пансіонской залѣ, тускло освѣщенной масляными лампами, стоялъ несказанный гамъ. Здѣсь собралось послѣ ужина болѣе полутора ста тиммермановскихъ пансіонеровъ отъ десятилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста. Всѣ эти мальчишки и юноши разминали свои засидѣвшіяся ноги, бѣгали, кружились, наскакивали на товарищѣй, «подставляли ногу», дрались, кричали, бранились, хохотали. Другіе, — такихъ, впрочемъ, было немного — степенно расхаживали, искусно лавируя между наскакивавшими на нихъ товарищами.

Два гувернера, одинъ французъ, другой нѣмецъ, если-бы и хотѣли — не могли ничему помѣшать, не могли водворить никакого порядка и только по временамъ выговаривали свое:

«Silence! „Ruhig!“

Но на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Несмотря на все это оживленіе, зала все-же имѣла унылый видъ. Закоптѣлый потолокъ

и стѣны, окрашенные въ зеленую сухую и мѣстами уже облупившуюся краску, заледенѣвшія окна съ коленкоровыми шторами, принявшими отъ пыли сѣрый цвѣтъ. По стѣнамъ узенькія деревянныя скамьи.

Полторы сотни дыханій еще не успѣли нагрѣть эту холодную комнату и къ тому-же отъ оконъ дуло страшно.

Я сидѣлъ въ уголку на скамьѣ, прижавшись къ стѣнѣ и уныло опустивъ голову. Это былъ мой первый вечеръ въ пансіонѣ. Мнѣ не хотѣлось бѣгать и рѣзвиться. Я чувствовалъ себя очень усталымъ и только изо всѣхъ силъ удерживалъ то-и-дѣло подступавшія слезы. Въ головѣ моей былъ туманъ, и мнѣ казалось, что я не живу, и что все это — сонъ. Меня привезли въ пансіонъ утромъ, въ половинѣ девятаго, къ началу классовъ. Привезъ меня дядя. Въ зеленой пріемной онъ со мною простился, и обѣщаль дня черезъ два навѣстить меня.

— Смотри, будь молодцомъ! — сказалъ онъ мнѣ на прощанье. — Докажи, что ты мужчина.

— Чего же мнѣ унывать! — воскликнулъ я

храбрясь и дѣйствительно рѣшая, что унывать еще нечего, что, можетъ быть, все и хорошо будетъ.

Дядя еще разъ поцѣловаль меня и ушелъ. Тогда я остался, одинъ съ страшнымъ Тиммерманомъ, который, теребя себя за носъ, проговорилъ:

— М... m... mon enfant, soyez sage!

Потомъ онъ взялъ меня за руку и повелъ. Я шель едва передвигая ноги, едва поспѣвая за быстрыми шагами моего путеводителя. Вотъ отворилась дверь, передо мной обширная комната, вся заставленная скамьями и пюпитрами, съ каедрой учителя съ большой черной доскою. Надзиратель дремалъ на каедрѣ, пюпитры со стукомъ поднимались и опускались, мальчики кричали.

— Silence! — взвизнулъ Тиммерманъ своимъ пронзительнымъ голосомъ.

Надзиратель встрепенулся, въ классъ наступило глубокое молчаніе.

— Вотъ вамъ новый товарищъ... Веригинъ! — сказалъ Тиммерманъ, обращаясь къ классу.

— Херръ Грюнвальдъ, запишите въ жур-

наль его фамилію.

Надзиратель развернулъ лежавшую на каедрѣ большую книгу.

Тиммерманъ указаль мнѣ мое мѣсто, объяснивъ, чтобы я внимательно слушалъ уроки учителей и что завтра же мнѣ будутъ выданы всѣ нужныя книги. Потомъ потрепаль меня по плечу, еще разъ взвизгнулъ: „Silence!“ — и, склонивъ голову на бокъ, съ развѣвавшейся гривкой, умчался изъ класса.

Только что онъ скрылся за дверью, какъ поднялась возня. Каждый изъ мальчиковъ хотѣлъ поближе разглядѣть новаго товарища.

Меня окружили, всѣ говорили въ одинъ голосъ, теребили меня.

Но вотъ раздался звонокъ. Въ классъ вошелъ учитель, и надзираіель уступилъ ему свое мѣсто. Я, несмотря на одурь, взявшую меня отъ перваго приема, сдѣланнаго мнѣ товарищами, невольно, не отрываясь, глядѣлъ на вошедшаго учителя.

Это былъ дѣйствительно странный человѣкъ. Я никогда не видалъ такихъ людей въ жизни, но не разъ видалъ ихъ на картинахъ или, вѣрнѣе, въ карриатурахъ. Это былъ

учитель нѣмецкаго языка, Фреймутъ, большой, жирный нѣмецъ, съ гладко выбритымъ честнымъ нѣмецкимъ лицомъ, съ круглыми очками и въ въ рыжеватомъ парикѣ. На немъ былъ надѣтъ коричневый старомодный фракъ со стальными пуговицами, клѣтчатый атласный жилетъ и блѣдно-голубоватые брюки въ обтяжку и со штрипками. Его красныя блестящія щеки подпирались туго-накрахмаленнымъ высочайшимъ воротничкомъ манишки. Шея была обвязана безконечнымъ галстукомъ. Весь костюмъ его, очевидно сшитый по меньшей мѣрѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, былъ тщательно вычищенъ, но все же носилъ на себѣ явные слѣды всеокрушающаго времени.

Фреймутъ усѣлся за кафедру, вынулъ изъ кармана круглую табакерку, осторожно открылъ ее, всадилъ себѣ въ обѣ ноздри по щепоткѣ табаку, потомъ вытеръ носъ старымъ фуляровымъ платкомъ и раскрылъ „журналъ“. Онъ остановился на новой фамилии, обвелъ глазами всѣхъ учениковъ и протянулъ указательный палецъ по направленію ко мнѣ.

— Komm mal her! — строго произнесъ онъ.

Я ни живъ, ни мертвъ поднялся съ моего мѣста и подошелъ къ каѳедрѣ.

— Sprichst du deutsch:- останавливая на мнѣ холодный взглядъ своихъ маленькихъ глазъ, спросилъ онъ.

— Nein! — прошепталъ я.

— Aber du kannst doch wohl lesen?

— Ja, ich kann lesen! — опять прошепталъ я.

Фреймутъ подалъ маѣ книгу и указалъ толстымъ пальцемъ, украшеннымъ огромнымъ перстнемъ съ сердоликовой печаткой, на страницу. Такъ какъ я зналъ нѣмецкій языкъ довольно плохо, то прочелъ нѣсколько строкъ не бойко и не безъ ошибокъ.

— Sehr schlecht! — сказалъ Фреймутъ.- Gehe auf dein Platz.

Я поплелся на свое мѣсто. Учитель сталъ вызывать то одного, то другого. Мальчики отвѣчали довольно бойко, кромѣ одного, который совсѣмъ не зналъ урока. Фреймутъ молча поставилъ ему единицу. Мальчикъ началъ было упрашивать, но строгій учитель приказалъ ему молчать такимъ тономъ, что тотъ больше и не пикнулъ. Тогда Фреймутъ

объявилъ ученикамъ, что онъ сейчасъ имъ будетъ рассказывать „eine sehr merkwürdige Geschichte“, а чтобы они внимательно слушали и къ слѣдующему разу каждый долженъ написать по нѣмецки то, что онъ имъ расскажетъ.

И медленнымъ голосомъ, по временамъ останавливаясь и нюхая табакъ, онъ повелъ свой рассказъ, въ которомъ я не понималъ почти ни слова.

„Боже мой! — съ отчаяніемъ думалось мнѣ. — Что я теперь сдѣлаю?! Они всѣ понимаютъ, имъ легко... а я даже не знаю, о чемъ такое онъ говорить!..“

Это было для меня такъ ужасно, и я почувствовалъ такую безнадежность, что готовъ былъ плакать. Отрывки мыслей беспорядочно мелькали въ головѣ моей; мнѣ то и дѣло вспоминалось все, только что покинутое мною. Вотъ мнѣ слышится будто голосъ матери. Вотъ видится бабушка, дѣти... И вдругъ все это обрывается и въ моихъ ушахъ звучать непонятныя фразы строгаго, каррикатурнаго учителя...

Наконецъ въ корридоръ раздается звоно-

къ. Фреймутъ встаетъ и уходитъ. Снова шумъ въ классъ, снова меня окружають, я безсчетное число разъ долженъ повторять свое имя и фамилію. Является другой учитель. На этотъ разъ я нѣсколько оживаю — это Ивановъ.

Ивановъ неуклюже помѣстился на каедрѣ, то и дѣло прикрывая волосами свою шишку на лбу. Онъ развернулъ журналъ и, будто въ утомленіи, склонилъ голову. Такъ продолжалось двѣ, три минуты. Мальчики зашумѣли, пюпитры поднимались и опускались, на дальнихъ скамейкахъ завязалась даже драка.

Ивановъ поднялъ голсву, обвелъ классъ быстрымъ взглядомъ и тихо проговорилъ;

— Ну какъ-же вамъ не стыдно!.. не шалите... сидите смирно... мнѣ и такъ уже господинъ Тиммерманъ вчера замѣтилъ, что у меня всегда шумно въ классъ...

— Мы не будемъ, Александръ Капитонычъ!.. — крикнуло нѣсколько дѣтскихъ голосовъ, и мгновенно воцарилась полнѣйшая тишина.

Ивановъ сталъ переводить глаза съ одно-

го мальчика на другого. Наконецъ, его взглядъ остановился на мнѣ. Онъ едва замѣтно и ободрительно кивнулъ мнѣ головою, какъ старому знакомому, и затѣмъ приступилъ къ спрашиванію урока.

— Штуббендорфъ! — вызвалъ онъ.

Недалеко отъ меня поднялся со своего мѣста бѣленькій хорошенькій нѣмчикъ, немножко курносенькій, съ голубенькими какъ фіалка глазами.

— Вы знаете сегодня вашъ урокъ? — спросилъ Ивановъ,

— Знаю! — неувѣренно отвѣтилъ нѣмчикъ.

— Такъ расскажите!

Нѣмчикъ началъ что-то, очень путаясь, о персидскомъ царствѣ и о царѣ Кирѣ. Я слѣдилъ за нимъ и тотчасъ-же замѣтилъ, что сосѣди ему подсказываютъ по книжкѣ. Замѣтилъ это и Ивановъ.

— Опять подсказыванье! — грустнымъ тономъ проговорилъ онъ:— а еще обѣщали, что никогда не будете. Ну, можно-ли вамъ теперь вѣрить? Штуббендорфъ, пойдите сюда, къ каедрѣ!

— Александръ Капитоновичъ, простите! — сказали подсказывавшіе мальчики:— въ послѣдній разъ, это мы ошиблись, у васъ никогда не будемъ подсказывать...

— Что такое — у меня?! Вы ни у кого не должны подсказывать... вѣдь, я вамъ объяснялъ, что этимъ вы мало того, что обманываете учителя, но дѣлаете вредъ товарищу, большой вредъ, отучаете его отъ работы и ему, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ труднѣе...

— Да и вы тоже, — обратился онъ къ нѣмчику опять, — не знаете урока!

На фіалковыхъ глазахъ показались слезы.

— Что-же мнѣ дѣлать? — жалобно пропичалъ нѣмчикъ. — Вы посмотрите, Александръ Капитонычъ, въ журналъ у меня по всѣмъ предметамъ „пять“ да „четыре“, а у васъ то „двойка“, то „дубъ“!.. всегда вы меня, всегда голодомъ морите!..

— Какъ голодомъ морю? — удивленно воскликнулъ Ивановъ:— какъ?!

— Какъ-же, вѣдь, за единицу почти вовсе безъ обѣда оставляютъ.

Ивановъ промычалъ себѣ что-то подъ носъ, чего инкто не слышалъ.

— Такъ что-же мнѣ съ вами дѣлать? Не ставить-же пятерки, когда и разобрать невозможно, что вы тамъ такое бурчите! Неужели такъ ужъ трудно приготовить урокъ?!

— Ужасно, ужасно мнѣ трудно изъ исторіи! — еще жалобнѣе пропищаль нѣмчикъ. — Учу, учу, и никакъ не могу запомнить!

Ивановъ пожалъ плачами.

— Ну, хоть въ слѣдующій-то разъ, постарайтесь запомнить, а теперь садитесь.

И нѣмчикъ, отчаянно слѣдившій за движеніемъ его правой руки, державшей перо, вдругъ весь такъ и вспыхнулъ, и радость изобразилась на его курносенькомъ личикѣ. Онъ убѣдился, что Ивановъ не поставилъ ему никакой отмѣтки.

— Алексѣевъ, отвѣчайте вы...

Поднялся рядомъ сидѣвшій со мною большой, лѣтъ четырнадцати мальчикъ, съ довольно красивымъ, но блѣднымъ лицомъ, хилый и вялый. Я уже съ нимъ познакомился и этотъ сосѣдъ казался мнѣ очень страннымъ, какимъ-то старикомъ.

Какъ-то онъ будетъ отвѣчать?!..

Алексѣевъ отвѣтилъ безъ запинки, не перемѣняя интонаціи.

— Слово въ слово, по книжкѣ, - съ неудовольствомъ замѣтилъ Ивановъ, — А, вѣдь, я вамъ не по книжкѣ рассказывалъ. Вы думаете — пятерка, а нѣтъ — четверка, да еще и съ минусомъ. Я васъ не зубрить учу, а знать и рассказывать. А вы, вотъ, сегодня вызубрили, а завтра все какъ есть и позабудете!..

Алексѣевъ сѣлъ на свое мѣсто, потянулся, зѣвнулъ, съѣжился и сталъ не мигая смотрѣть въ одну точку.

„Старикъ, совсѣмъ, совсѣмъ, старикъ!“ — подумалъ я про него.

Ивановъ спросилъ еще нѣсколько учениковъ, а потомъ сталъ рассказывать къ слѣдующему уроку. Все, что онъ рассказывалъ мнѣ было давно извѣстно. Я уже прошелъ всю древнюю исторію и началъ среднюю. А все-же я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ Иванова, — такъ онъ хорошо и живо рассказывалъ.

Но раздался звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ на кафедрѣ очутился самъ Тиммерманъ. Онъ давалъ уроки латинскаго языка во

второмъ классѣ.

Я могъ въ теченіе этого часа предаваться своимъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ. Я зналъ, что Тиммерманъ будетъ заниматься со мною отдѣльно латинскимъ языкомъ, пока я не нагоню товарищей.

Послѣ этого урока появился нѣмецъ надзиратель. Мальчики выстроились парами и двинулись внизъ въ столовую обѣдать. Я шелъ въ парѣ съ Алексѣевымъ и снова изумился его старости. Онъ такъ медленно передвигалъ ноги.

— Развѣ у васъ болятъ ноги? — не утерпѣвъ, спросилъ я.

— Да, болятъ! — равнодушно отвѣтилъ Алексѣевъ. — У меня все болитъ.

Я взглянулъ на его блѣдное, пухлое лицо и почувствовалъ къ нему большую жалость. Но вотъ мы въ столовой. Длинная съ низенькимъ потолкомъ комната, заставленная въ три ряда узенькими, соединенными одинъ съ другимъ столами. Пансіонеры шумно размѣщаются на скамьяхъ.

— Silence! — пронзительно кричитъ Тиммерманъ, проносясь по столовой и быстро из-

чезая.

По концамъ столовъ разсаживаются надзиратели. Два грязныхъ лакея разносятъ тарелки съ супомъ.

Я очень проголодался, но съ изумленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на-столь передъ собою. Я никогда не могъ себѣ представить, что буду сидѣть за такимъ столомъ и такъ обѣдать. Грязная, толстая, дырявая скатерть, такія же салфетки. Передо мною въ толстой сѣровой тарелкѣ супъ. Я попробовалъ и тотчасъ же оставилъ ложку, — такъ этотъ супъ былъ невкусенъ. Вслѣдъ за супомъ подали намъ по куску жесткой говядины, облитой какимъ-то желтоватымъ, вязкимъ и дурно пахнущимъ соусомъ. Я понюхалъ, меня даже стало почти тошнить. Я не притронулся къ тарелкѣ и ждалъ, что будетъ дальше. А дальше былъ розоватаго цвѣта кисель съ двумя черносливинами. Я вздохнулъ и сталъ ѣсть лежавшій передо мною кусокъ черного хлѣба.

— Вотъ уже вторую недѣлю хлѣбъ мышами пахнетъ! — замѣтилъ кто-то изъ учениковъ, и кусокъ выпалъ у меня изъ рукъ, и я понялъ, что хлѣбъ дѣйствительно пахнетъ мы-

шами, хотя и не зналъ до сихъ поръ мышинаго запаха.

— Развѣ тутъ всегда такой обѣдъ? — робко спросилъ я своего сосѣда, Алексѣева.

— Всегда, а то какъ же? Впрочемъ, нѣтъ, не всегда, бываетъ гораздо хуже. Какъ-то недавно въ мискѣ со щами нашли цѣлую мышь. Въ этомъ домѣ мышей страхъ сколько, такъ Потемкинъ, изъ большого класса, вонъ видите, — тотъ, стриженный, который кричитъ, — онъ взялъ эту мышь за хвостъ и прямо въ лицо бросилъ экономкѣ... Такая исторія была!.. А бы что же... вы совсѣмъ, не обѣдали... вѣдь, голодны будете?

— Я не могу ѣсть такого обѣда! — грустно сказалъ я.

— Другого нѣтъ, а ѣсть, вѣдь, надо! — серьезно замѣтилъ Алексѣевъ. — Вотъ надзиратели, смотрите, вѣдь, совсѣмъ другое имъ подаютъ... другія кушанья... видѣли, а послѣ обѣда кофе... смотрите!

— Зачѣмъ же это такъ? — недоумѣвалъ я. Алексѣевъ только пожалъ плечами и зѣвнулъ.

„Что-же я буду ѣсть“? — подумалъ было я,

но тотчасъ-же эта мысль исчезла.

Мнѣ живо, живо такъ представились наши завтраки и обѣды. Еще вчера я сидѣлъ за столомъ, покрытымъ чистой скатертью. Мнѣ представлялись вкусныя кушанья, всякія сласти. И снова показалось мнѣ, что это сонъ, этотъ клейкій соусъ, этотъ хлѣбъ, пахнущій мышами, этотъ ужасный рассказъ Алексѣева... Но сонъ все продолжался.

Мальчики выходили изъ столовой опять парами въ рекреационную залу. Когда они проходили корридормъ, ко мнѣ подошелъ Карпычъ, тотъ самый лакей, съ веселымъ и въ то же время заспаннымъ лицомъ, который снималъ съ насъ шубы, когда мы съ матерью въ первый разъ пріѣхали въ пансіонъ, онъ подошелъ и шепнулъ мнѣ.

— Господинъ Веригинъ, пожалуйста, васъ спрашиваютъ.

— Гдѣ? Кто? — весь вспыхнувъ, крикнулъ я.

— На верхъ пожалуйста, въ свой дортуаръ, я проведу васъ.

Въ дортуарѣ стояла Дарья, хохлушка, довѣренная горничная моей матери, бывшая

въ числѣ людей, подаренныхъ дѣдомъ моему отцу. Я такъ и кинулся ей на шею, цѣлуя ея некрасивое, но доброе лицо и обливая его вдругъ хлынувшими слезами. Дарья цѣловала мнѣ руки и изумленно спрашивала:

— Баринъ, голубчикъ, Ганечка, чего такъ, чего?! не плачьте!

Но я плакалъ все больше и больше и не могъ ничего выговорить. Дарья сѣла на стулъ, посадила меня къ себѣ на колѣни и стала меня гладить по головѣ.

— Да что такое, развѣ здѣсь худо?! Обидѣлъ васъ кто, золотой мой?! — повторяла она со своимъ малороссійскимъ выговоромъ.

— Худо, Дарья! — наконецъ, сквозь рыданія произнесъ я.

Но въ эту минуту влетѣлъ Тиммерманъ. Онъ покосился на Дарью.

— М... m... mon enfant, vous pleurez? Это не надо... нужно быть благоразумнымъ, вы уже не маленькій...

И на ломаномъ русскомъ языкѣ онъ спросилъ Дарью:

— Вы привезли вещи? Карашо, я сейчасъ скажу моей женѣ...

Онъ исчезъ и, прежде чѣмъ мы съ Дарьей могли опомниться, въ комнату вошла маленькая, худенькая, съ прилизанными волосами, съ круглыми сѣрыми глазами, въ простенькомъ черномъ шерстяномъ платьѣ пожилая женщина. Она протянула мнѣ руку и сейчасъ-же стала спрашивать Дарью, что именно она привезла.

Дарья указала на большой ящикъ и два узла, а затѣмъ все это принялась развязывать. Madame Тиммерманъ вынула изъ кармана маленькую записную книжку, лизнула карандашикъ и принялась записывать.

— Бѣлья слишкомъ даже много и оно черзчуръ хорошо! — замѣтила она.

— У насъ оны иного не носятъ, сударыня! — съ достоинствомъ отвѣчала Дарья. — А вотъ ихъ одежда-съ... сапожки...

— Что же въ этомъ узлѣ?

— Это, сударыня, съѣстное, сласти.

Madame Тиммерманъ поморщилась, но ничего не сказала.

Осмотрѣвъ все, она спросила Дарью:

— А серебро вы привезли?

— Какъ-же... какъ же-съ, вотъ ихъ прибор-

чикъ!

Она подала ножъ, вилку и три серебряныя ложки: большую, среднюю и маленькую. Madame Тиммерманъ пристально взглянула на все это, потомъ взяла и уже не выпускала изъ рукъ.

Таковъ былъ обычай въ пансіонѣ: каждый пансіонеръ долженъ былъ доставить свой приборъ, причемъ ложки обязательно были серебряныя. Конечно, мальчики никогда не видали этого прибора и ѣли всегда изъ общихъ, накладного серебра и отъ старости превратившихся совсѣмъ почти въ мѣдныя, ложекъ. Одна madame Тиммерманъ знала дальнѣйшую судьбу серебряныхъ приборовъ.

— Которая-же будетъ ихняя кровать? — спросила Дарья.

— Вотъ эта!

— Ужъ позвольте, сударыня, я имъ приготавлию.

— Хорошо!

Дарья стала приготавливать мнѣ постель, неодобрительно похлопывая по жесткому пансіонскому тюфяку, за который была моей матерью выплачена изрядная сумма.

Madame Тиммерманъ не уходила.

— Это еще что? — вдругъ спросила она, замѣтивъ довольно большой, прикрытый замшевымъ чехломъ ящикъ.

— А это сундучекъ ихній, съ ихними вещами. Вотъ тутъ возлѣ кровати мы его и поставимъ. Комодика только я что-то не вижу! Куда-же мы бѣлье да платье сложимъ?

— Объ этомъ не беспокойтесь! — сказала madame Тиммерманъ:- я сама буду выдавать и бѣлье и платье.

— Да тутъ-бы возлѣ кровати комодикъ и поставить, мѣста довольно, а коли нѣтъ у васъ свободнаго комодика, такъ може барыня прикажутъ, я изъ дома привезу.

— Нѣтъ, этого не надо! — подумавши объявила madame Тиммерманъ:- у него должно быть все какъ у другихъ... *Vous êtes un peu gâté, mon petit ami!* — обратилась она ко мнѣ.

Я при этомъ только покраснѣлъ и опустилъ глаза.

Madame Тиммерманъ не ушла до тѣхъ поръ, пока издалека не послышался звонокъ. Тогда она сказала, что я долженъ идти въ классъ. Я вздрогнулъ.

— Дарья, а мама когда-же?... Она обѣщала до своего отъѣзда въ Петербургъ ко мнѣ пріѣхать!..

— Безпремѣнно будетъ передъ отъѣздомъ, безпремѣнно. Не прикажете-ли чего передать мамашѣ?

— Вѣдь, и ты ѣдешь съ мама?.. Прощай! — упавшимъ голосомъ, съ ужасомъ прошепталъ я и, пригибая къ собѣ Дарью, крѣпко охватилъ ея шею руками и такъ и замеръ.

— М-м... mon enfant... пора въ классъ... пора! — вдругъ проскрипѣлъ уже знакомый голосъ.

Я еще разъ безнадежно взглянулъ на уныло стоявшую Дарью и, почти не помня какъ, очутился въ классѣ.

И снова сонъ, снова туманъ, тоска сосеть и давить, временами нервная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Руки и ноги холодѣютъ, совсѣмъ застываютъ. Да и въ классѣ холодно, крѣпкій морозъ на дворѣ, вѣтеръ завываетъ въ трубѣ большой остывшей печи, отъ старыхъ и грязныхъ оконныхъ рамъ такъ и дуетъ.

Но хотя и во снѣ, хотя и въ туманѣ, я невольно ловилъ новыя впечатлѣнія, безсознательно дѣлалъ наблюденія. Я уже успѣлъ внутри себя какъ-то разглядѣть и понять нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ меня товарищей. Я уже чувствовалъ къ инымъ симпатію, другіе мнѣ не нравились, третьи возбуждали во мнѣ брезгливость, почти отвращеніе.

Вотъ еще новый учитель на кафедрѣ: учитель французскаго языка, Сатіасъ. Онъ уже не похожъ ни на Тиммермана, ни на Фреймута, ни на Иванова. Это былъ еще молодой и красивый высокаго роста брюнетъ съ тонкими чертами лица, съ великолѣпными бакенбардами. Его бѣлье отличалось безукоризненной

чистотою, галстукъ былъ красиво повязанъ. Черный фракъ почти безъ малѣйшей складочки плотно охватывалъ его станъ. Онъ очень походилъ на хорошаго актера въ роли свѣтскаго человѣка.

Сатиасъ уже очевидно зналъ о присутствіи въ классѣ новичка. Онъ подозвалъ меня къ каедрѣ, пристально оглядѣлъ своими спокойными карими глазами и спросилъ, чему я учился и что знаю.

Я собралъ всѣ свои послѣднія силы, даже добылъ откуда-то на нѣсколько минутъ спокойствіе. По приказанію Сатиаса, я бѣгло прочелъ нѣсколько строкъ изъ поданной мнѣ книжки, перевелъ прочитанное. Французскій языкъ я зналъ хорошо, много читалъ, любилъ учить наизусь стихи. Сатиасъ, видимо, былъ доволенъ новымъ ученикомъ, и улыбнулся мнѣ благосклонно, а затѣмъ красивымъ движеніемъ головы отпустилъ меня.

Слѣдующій урокъ былъ — географія. Учитель, маленькій вертлявый человѣкъ съ рыжей бородой, не то польскаго, не то малороссійскаго происхожденія, по фамиліи Чалинскій, опять оказался совсѣмъ въ ново-

мъ родѣ. Онъ даже вовсе и не походилъ на учителя, а имѣлъ видъ юноши. Всѣмъ мальчуганамъ говорилъ не иначе какъ «господинъ такой-то» и любилъ разнообразить свое преподаваніе, такъ сказать, частными разговорами.

Я замѣтилъ, что у него въ классѣ никто не стѣсняется, всякій занятъ своимъ дѣломъ, нѣкоторые ученики перемѣняютъ мѣста, ведутъ довольно оживленные разговоры и споры, наконецъ, неизвѣстно зачѣмъ подбѣгаютъ къ каѳедрѣ, заговариваютъ съ учителемъ вовсе не объ урокъ, а учитель охотно всѣмъ отвѣчаетъ.

Только когда уже шумъ въ классѣ сдѣлался невыносимымъ, Чалинскій застучалъ линейкой о каѳедру и крикнулъ своимъ слабымъ голосомъ:

— Господа, да что-жъ это такое? Вѣдь, это чисто нижегородская ярмарка! Успокойтесь, а то, право, кончится тѣмъ, что господину Тиммерману пожалуюсь на васъ, на весь классъ, слышите, господа!

— Иванъ Григорьевичъ, а на нижегородской ярмаркѣ весело? Вы бывали? — крик-

нуль кто-то, очень похоже передразнивая его произношеніе.

— Конечно, бывалль! — отвѣтилъ учитель.

— Расскажите! расскажите!

— Ну нѣтъ, этто въ другой разъ, когда дойдемъ до Нижняго-Новгорода... А ну-ка, на какой рѣкѣ стоитъ Нижній-Новгородъ?

— На Волгѣ! на Волгѣ! Это мы знаемъ, — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Иванъ Григорьевичъ, а, у насъ новенькій... Веригинъ... на второй скамьѣ... видите!.. Что-же вы его не спрашиваете? Вы его проэкзаменуйте!..

Чалинскій посмотрѣлъ на меня, потомъ взглянулъ на часы и заторопился, засуетился.

— Вотъ вы всегда такъ, съ вашими дур-речествами да ненужжными разговоррами... Смирно... смирно! слушайте урокъ. Къ слѣдующему разу... А съ новенькимъ еще успѣю познакомиться...

И онъ началъ объяснять новый урокъ. Звонкъ скоро прервалъ его.

— Прошшое повторрите, прошшое! — крикнулъ онъ и выскочилъ изъ класса.

Оставался послѣдній урокъ — шестой въ

этотъ день — изъ русскаго языка. Но учитель уже двѣ недѣли какъ былъ боленъ и на каѳедрѣ появился нѣмецъ-надзиратель и тотчасъ же принялся дремать, пробуждаясь только тогда, когда мальчики уже через чуръ кричали.

— Ruhig... ruhig! — раздавалось съ каѳедры. Въ классѣ утихало на нѣсколько мгновений, а затѣмъ снова поднимался смѣхъ и крикъ.

Я бесѣдовалъ съ Алексѣевымъ.

— У васъ есть кольца и замокъ? — спросилъ меня «старичекъ».

— Какой замокъ?

— А для пюпитра, для ящика... тутъ вотъ видите нужно ввертѣть два кольца и всегда держать пюпитръ на запорѣ, а то ученики у васъ все потаскаютъ.

— Вы давно въ пансіонѣ? — спросилъ я.

— Второй уже годъ.

— А прежде гдѣ жили?

— Въ деревнѣ, въ Рязанской губерніи. Да отецъ мой умеръ, мать еще прежде умерла, давно... я самый младшій... вотъ братъ старшій, да сестра, она замужемъ... у нея уже

трое дѣтей, — меня въ пансіонъ и отдали. Прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ я въ деревню такъ тамъ докторъ прямо сказалъ, что мнѣ нельзя жить иначе, какъ дома, на чистомъ воздухѣ... Я, вѣдь, давно боленъ... А меня все же братъ привезъ опять сюда... и вотъ мнѣ все хуже и хуже...

— Что же у васъ болитъ?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что все болитъ. Иногда слабость такая, что и сказать не могу. Ночей не сплю, дрожу весь въ лихорадкѣ. Засну подъ утро... и сейчасъ же будятъ... надо вставать.

— А вы развѣ не говорили monsieur Тиммерману?

— Говорилъ, лежалъ въ лазаретѣ, докторъ мазалъ меня свинымъ саломъ. Тутъ у насъ докторъ такой, старичекъ, и отъ всѣхъ болѣзней свинымъ саломъ лѣчитъ. Лежалъ я четыре дня, а потомъ Тиммерманъ пришелъ и велѣлъ вставать и идти въ классъ...

— Мнѣ кажется я умру скоро! — заключилъ Алексѣевъ тихо, но совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

Я такъ весь и встрепенулся. Я почувство-

валь ужасную жалость къ этому «старичку».

— Ахъ, зачѣмъ вы такъ говорите! Зачѣмъ умирать? Отчего же вы не напишите вашей сестрѣ, вашему брату?

— Писаль, а они не отвѣчаютъ, — имъ все равно.

Алексѣевъ едва слышно вздохнулъ, скрестилъ на груди руки, опустилъ голову и задумался.

О чемъ онъ думаль, Богъ вѣсть! Я не посмѣлъ съ нимъ больше заговаривать. Мнѣ хотѣлось плакать, но теперь уже не по дому, не по мамѣ, а по этому бѣдному «старичку».

— Будемъ друзьями? — вдругъ, неожиданно для самого себя, сказалъ я.

Алексѣевъ изумленно взглянулъ на меня, но пожалъ мою руку.

— Хорошо, — какъ-то снисходительно и ласково улыбнувшись, проговорилъ онъ:— будемъ друзьями!

— На «ты»?!

— На «ты».

— Какъ тебя зовутъ?

— Михаилъ.

— Миша... ну а меня — Ганя.

Въ это время опять издали донесся тихій звонъ. Онъ все приближался, приближался. Это Карпычъ проходилъ по корридорамъ съ валдайскимъ колокольчикомъ въ рукахъ.

— Чай пить! чай пить! — закричали въ классѣ.

И я только теперь почувствовалъ, что невыносимо голоденъ.

Опять мальчики выстроились парами. Я взялъ подъ руку моту новаго друга и мы спустились въ столовую, казавшуюся еще унылѣе при тускломъ свѣтѣ лампъ. Передъ каждымъ мальчикомъ была поставлена глиняная кружка съ дурнымъ, такъ называемымъ «кирпичнымъ» чаемъ, плохо подслащеннымъ «песочнымъ» сахаромъ. Чай этотъ почему-то сильно отзывался ржавчиной и если бы посмотрѣть его на свѣтѣ, то онъ скорѣе былъ похожъ на кофе, чѣмъ на чай, но въ кружкѣ этого не было замѣтно. Рядомъ съ каждой кружкой лежало по небольшому розанчику.

Я разломилъ свой розанчикъ и съ радостью замѣтилъ, что онъ не только свѣжій, но даже почти теплый. Я съѣлъ его мигомъ, вы-

пилъ залпомъ кружку, не разбирая, что такое пью.

— Хочешь? — сказалъ Алексѣевъ, подавая мнѣ половину своего розанчика.

— Нѣтъ! нѣтъ! — сконфуженно отвѣчалъ я.

— Да, вѣдь, я все равно ѣсть не стану, мнѣ ѣсть совсѣмъ не хочется.

— Правда?

— Конечно, правда!

Я не въ силахъ былъ отказаться.

Послѣ чая ученики вернулись въ классы для приготовленія уроковъ, которое длилось до восьми часовъ. Въ восемь часовъ былъ ужинъ, состоявшій изъ каши размазни, совсѣмъ почти не масляной, и чего-то безформеннаго, темнаго и приготовленнаго изъ кусочковъ варенаго мяса и соуса, очень пахнуваго лукомъ. Но я ничего не ѣлъ за ужиномъ. Я вспомнилъ, что у меня въ узлѣ въ спальнѣ есть «сѣстное», какъ сказала Дарья.

Послѣ ужина на три четверти часа передъ сномъ пансіонеры собрались въ рекреационной залѣ и вотъ тутъ-то я, совсѣмъ утомленный, потрясенный всѣми неожиданными и разнообразными впечатлѣніями, уныло

сидѣлъ въ углу на скамейкѣ.

Алексѣевъ исчезъ, его нигдѣ не было видно. Я сидѣлъ, мучительно чувствуя свое полное одиночество. Весь этотъ шумъ и гамъ, всѣ эти мелькавшія мимо меня фигуры казались мнѣ какъ-то далеко.

Но вотъ мнѣ будто что-то стукнуло въ голову. Я очнулся. Опять ударъ. Незнакомый мнѣ мальчикъ изъ другого класса, старше меня возрастомъ, широкоплечій и коренастый, съ торчавшими во всѣ стороны волосами, съ дерзкимъ выраженіемъ лица и выдвинутою впередъ нижнею губою, намѣревался нанести мнѣ третій ударъ.

Я вскочилъ со скамьи.

— За что вы меня?! Что я вамъ сдѣлалъ?! — изумленно, ничего не понимая и только чувствуя сильную боль, спросилъ я.

— А, ты еще разговаривать!

Крѣпкій кулакъ шарахнулъ меня по спинѣ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, недоумѣніе, обида, боль — все это разомъ какъ-то прилипло къ сердцу, отозвалось по всьму тѣлу нервнымъ трепетомъ. Себя не помня, кинулся я на моего неожиданнаго противника и въ свою

очередь принялся колотить его куда попало. Я уже не чувствовалъ получаемыхъ ударовъ, ничего не видѣлъ и опомнился только тогда, когда надъ самымъ ухомъ раздался рѣзкій голосъ:

— Eh bien, finirez-vous?!..

Чья-то рука меня встряхнула. Передо мною былъ надзиратель французъ, Дерондольфъ. Я уже зналъ отъ Алексѣева, что это самый злой изъ всѣхъ надзирателей и что его ученики, неизвѣстно почему, называютъ: «monsieur Derondolf ci-devant double chien».

Въ пансіонѣ существовала легенда, что Дерондольфъ былъ барабанщикомъ въ Севастопольскую кампанію, попался въ плѣнъ къ русскимъ и вотъ теперь очутился надзирателемъ. Какъ-бы-то ни было, во всемъ пансіонѣ нельзя было найти ни одного воспитанника, который-бы хоть сколько нибудь симпатично относился къ этому человѣку: его ненавидѣли всѣ безъ исключенія и онъ положительно находилъ удовольствіе наказывать мальчиковъ, иногда безъ всякой вины.

Ему было уже лѣтъ пятьдесятъ; небольшой, сутуловатый, на головѣ мало волосъ,

жидкія бакенбарды, изрытое морщинами лицо, нависшія брови; подъ черными мрачными глазами большіе мѣшки, беззубый ротъ. Говорилъ онъ съ какимъ-то присвистомъ и время отъ времени прищелкивая языкомъ.

— *Votre nom?* — грозно спросилъ меня Дерондольфъ.

Но у меня еще сыпались искры изъ глазъ. Курточка моя была растегнута, воротничекъ измятъ и надорванъ. Я дрожалъ всѣми членами и не могъ выговорить ни слова. Тутъ подскочилъ какой-то мальчикъ изъ второго класса и объяснилъ, что я новенькій — Веригинъ.

Дерондольфъ вынулъ свою записную книжку и что-то въ ней отмѣтилъ.

— Завтра безъ обѣда! — объявилъ онъ мнѣ и потомъ произнесъ по слогамъ:

— *Vè-ri-guine... quel nom barbare!* И при этомъ глупо усмѣхнулся своимъ беззубымъ ртомъ.

Мальчики громко захохотали.

— *Ah! voua parlez russe!*

Дерондольфъ быстро обернулся въ ту сторону, откуда раздался смѣхъ. Но мальчики

кинулись въ разсыпную.

— Qui a ri? Qui a parlé russe? — съ ожесточеніемъ, присвистывая и прищелкивая, повторялъ французъ, топоча отъ злости на мѣстѣ.

Никто не отозвался. Одинъ только я стоялъ передъ нимъ, продолжая вздрагивать.

Дерондольфъ вдругъ заложилъ руки за спину и крикнулъ въ носъ:

— Prière!

Въ залѣ все смолкло. Одинъ изъ учениковъ старшаго класса прочелъ вечернюю молитву, и всѣ стали расходиться по дортуарамъ.

IV

Войдя въ спальню, я увидѣлъ слѣдующую картину. На столѣ горѣла лампа, у которой сидѣлъ и что-то писалъ высокій, стройный юноша лѣтъ семнадцати, совершенный блондинъ съ красиво вившимися обильными волосами и едва пробивавшимися золотистыми усиками. Онъ такъ былъ углубленъ въ свое писаніе, что даже не обернулся къ отворенной мною двери. Другой юноша, маленькій, толстенъкій, ежесекундно чихавшій и сморкавшійся, очевидно страдавшій сильнѣмъ насморкомъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ некрасивъ, обстриженъ подъ гребенку, съ маленькими глазками, съ мясистымъ носомъ, теперь еще вдобавокъ припухшимъ отъ насморка. Третій юноша — черноволосый, съ длиннымъ худымъ лицомъ и какъ-бы нѣсколько провалившимся ртомъ, очень старообразный, лежалъ задравши ноги на кровати и напѣвалъ что-то фальшивымъ голосомъ. Наконецъ, четвертый — неуклюже сидѣвшій на корточкахъ передъ открытой печкой дверцей, неистово затягивался папи-

росой, стараясь пускать дымъ въ печку. Печка помѣщалась недалеко отъ стола, и свѣтъ лампы, прикрытой широкимъ абажуромъ, прямо падалъ на кутившаго юношу.

Мнѣ бросилась въ глаза большая голова съ торчащими жесткими волосами, мясистое прыщеватое лицо, съ толстыми губами и носомъ.

Когда я вошелъ и, запирая дверь, нечаянно хлопнулъ ею, этотъ юноша быстро и пугливо обернулся, искусно пряча папироску въ рукавъ. Но убѣдясь, что опасности нѣтъ, онъ снова изо всѣхъ силъ затянулся раза три, потомъ бросилъ окурокъ въ печку и тихонько заперъ дверцу. Затѣмъ онъ всталъ на ноги и оказался огромнымъ, неуклюжимъ малымъ, въ очень короткомъ и узенькомъ пиджакѣ, который еще болѣе выставлялъ на показъ его длинныя ноги съ широкими ступнями и какъ-то странно болтавшіяся руки.

— Чего тебѣ тутъ нужно, малышъ? — крикнулъ онъ, подступая ко мнѣ.

Еще не совсѣмъ пришедшій въ себя отъ драки и весь избитый, я подумалъ, что вотъ сейчасъ и этотъ огромный губошлепъ ста-

нетъ меня бить. Я безнадежно взглянулъ на него и прошепталь:

— Я пришелъ спать!

— А, такъ это тебя намъ навязали! — воскликнулъ губошлепъ. — Ну-ка, покажись!

Онъ какъ перышко подхватилъ меня подъ мышки и поднялъ высоко на воздухъ своими жилистыми, сильными ручищами.

— Дѣвчонка, какъ есть дѣвчонка! — проговорилъ онъ, опуская меня наконецъ на полъ, и вдругъ принялся щекотать.

Я отчаянно боялся щекотки, а потому заметался и взвизгнулъ.

— Ахъ, да оставь его, Дермидоновъ, — скажь маленькій юноша съ насморкомъ, подходя къ намъ. — Охота связываться... Такъ неравно и Тиммерманъ нагрянетъ...

— Какъ-же, жди! Теперь твоего Тиммермана съ собаками не разыщешь, чай, ужъ дрыхнетъ давно! — отвѣчалъ Дермидоновъ но все-же оставилъ меня въ покоѣ и вдругъ, уже совсѣмъ новымъ тономъ прибавилъ:— а ну-ка, подите сюда, молодой человекъ, подите-ка! Васъ еще проэкзаменовать надо.

Онъ схватилъ меня за руку, потащилъ къ

одной изъ кроватей, усълся на нее, разставивъ ноги, поставилъ меня передъ собою и потомъ стиснулъ мнѣ бока своими костлявыми колѣнями, такъ что я не мргъ шевельнуться.

— Ну-съ, теперь стойте смирно и отвѣчайте на всѣ вопросы безъ запинки.

И говоря это, онъ шлепаль толстыми губами и обдавалъ меня табачнымъ запахомъ. Я глубоко вздохнулъ и рѣшился терпѣдиво выносить всякую пытку.

— Ваша фамилія, молодой человекъ?

— Веригинъ, — грустно и покорно выговорилъ я.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двѣнадцать.

— Года почтенные! Ну, и что-же, молодой человекъ, понравилось тутъ у насъ, очень хорошо, не правда-ли?

Я ничего не отвѣтилъ.

— А кушать изволили съ аппетитомъ?

— Я ничего не ѣлъ! — откровенно признался я, вдругъ вспоминая, что я очень голоденъ и что возлѣ моей кровати долженъ быть запасъ съѣстнаго.

— Ничего, привыкнете! — во весь ротъ ухмыляясь, сказалъ губошлепъ. — А теперь слушай, другъ ты мой, Веригинъ, слушай въ оба уха и заруби у себя на носу: если будешь фискалить на насъ, тебѣ не жить!..

— Какъ фискалить? — изумленно спросилъ я. — Что это значить?

— Ты не знаешь, что значить фискалить?! Это очень похвально, молодой человекъ, только смотри не научись... Фискалить, почтеннѣйшій, значить наушничать Тиммерману или кому-нибудь изъ надзирателей, — передавать о томъ, что мы дѣлаемъ и говоримъ, жаловаться на насъ и тому подобное... прочее... Что бы ты ни увидѣлъ, что-бы ты ни услышалъ въ этой комнатѣ, храни все сіе въ глубочайшей тайнѣ, чтобы ни одна душа живая о томъ не знала, понимаешь? Иначе, повторяю, тебѣ не жить!.. Видишь эту руку?! — и онъ поднялъ къ моему лицу свою огромную, красную, съ обкусанными ногтями и довольно грязную руку. — Одно движеніе этой рукой, и отъ тебя ничего не останется, только немножко мокро будетъ...

Видъ этой руки невольно привелъ меня

въ нѣкоторый ужасъ, смѣшанный съ отвращеніемъ.

— Будешь фискалить? Будешь? — между тѣмъ повторялъ Дермидоновъ, дѣлая страшную рожу, шлепая губами и обрызгивая меня слюною.

— Не буду! — прошепталъ я, нервно вздрагивая.

— То-то-же... смотри!

Губошлепъ разставилъ ноги и выпустилъ меня. Я пошелъ отъ него къ своей кровати.

— Стой! — вдругъ крикнулъ онъ. — Мою фамилію ты знаешь?

— Кажется, васъ называли Дермидоновымъ! — сказалъ я.

— Да, Дермидоновъ, понимаешь:- Деррмидоновъ! и повѣрь, у меня не даромъ такая страшная фамилія. Трепещи! А этотъ вотъ кубарь съ насморкомъ, это Розенкранцъ, фрейхерръ фонъ-Розенкранцъ, изъ чухонскаго болота...

— Дуракъ! — отозвался Розенкранцъ, неистово сморкаясь.

— Ну да, и дуракъ при этомъ! — серьезно сказалъ Дермидоновъ. — Спасибо, братъ, что

напомнилъ... А это вотъ, что поеть изъ оперы «Волчья погибель», — это князь Борковскій. А тамъ, водишь, у стола, это — Людмила.

— Какъ Людмила? — въ невольномъ изумленіи спросилъ я.

— Такъ, Людмила, милочка, кисейная барышня... Антиповъ! — крикнулъ онъ:— а, Антиповъ!

— Что тебѣ, что? — отрываясь отъ своего писанья и обертываясь, разсѣяннo спросилъ красивый блондинъ.

— Вотъ молодой человекъ не вѣрить, что ты Людмила!

Блондинъ, какъ это ни было странно, только теперь замѣтилъ мое присутствіе въ комнатѣ. Онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ остановилъ на мнѣ взглядъ своихъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ съ блестящими зрачками, потомъ потрянулъ головою и снова углубился въ писаніе.

— Это онъ сочиненіе пишетъ, мнѣ удивить хочетъ! Ахъ ты Людмила, Людмила! О, милая Людмила, всѣхъ радостей вѣнецъ... — крикнулъ Дермидоновъ и азартно закончилъ пошлое и непристойное четверостишіе, ко-

торое съ этого мгновенія такъ навѣкъ и запечатлѣлось въ моей памяти.

Наконецъ, мнѣ удалось подойти къ моей кровати. Я нашель узелокъ, привезенный Дарьей, и развязаль его. Въ немъ оказалось нѣсколько свертковъ.

— Господа, рябчики! — вдругъ раздалось у самага уха такъ, что я отъ неожиданности задрожаль всѣмъ тѣломъ.

Надо мной стояль и дышалъ на меня табачнымъ запахомъ Дермидоновъ.

— Господа, пирогъ! — воскликнулъ онъ опять.

Въ это время Розенкранцъ подошелъ съ другой стороны и тоже сталъ не безъ интереса разглядывать...

— Груши! яблоки!.. конфеты, чортъ возьми!.. — перечисляль Дермидоновъ. — А вина нѣтъ? Жаль.

И вдругъ я увидѣль красную съ обкусанными ногтями руку, прямо направлявшуюся къ рябчику. Мигъ — рябчикъ оказался въ этой рукѣ; еще мигъ — и Дермидоновъ жеваль его и громко чмокаль.

— Ничего, вкусно! — наконецъ проговори-

ль онъ. — Ахъ, я и забылъ васъ спросить, молодой человекъ: можно ѣсть?

Я засмѣялся. Этотъ Дермидоновъ, несмотря на то, что былъ такой противный, такъ шлепалъ губами и плевался, такъ ужасно пахнулъ табакомъ и имѣлъ такія отвратительныя руки, вдругъ показался мнѣ очень смѣшнымъ, а страхъ къ нему совершенно исчезъ съ того мгновенія, когда онъ стянулъ рябчика.

— Ты все это намѣренъ съѣсть? — спрашивалъ Дермидоновъ, обгладывая косточки и посматривая на большой пирогъ, нарѣзанный толстыми кусками, сложенными вмѣстѣ.

— Конечно, нѣтъ! Намъ всѣмъ хватить! — сказалъ я и при этомъ почувствовалъ даже удовольствіе, что вотъ я буду угощать «большихъ».

— Славный малый! — крикнулъ Дермидоновъ и такъ хлопнулъ меня по плечу, что я вскрикнулъ. — Господа, новый сожитель нашъ угощаетъ! Ворконскій, прекрати свою «Волчью погибель!» Антиповъ, Милочка, да очнись же! Веригинъ, пригласи ихъ, видишь,

они церемонятся...

Но я не зналъ, какъ это сдѣлать.

Дермидоновъ забралъ въ свои огромныя руки всѣ припасы, перенеся ихъ на столъ, затѣмъ подбѣжалъ къ двери, осторожно приотворилъ ее, высунулъ голову, прислушался, затѣмъ снова заперъ дверь и вернулся къ столу. Онъ все раздѣлилъ на пять приблизительно равныхъ кучекъ, причемъ въ одну кучку клалъ всего немного больше, чѣмъ въ остальные.

— Это тебѣ,- сказалъ онъ мнѣ:- ты голоденъ.

Антиповъ отложилъ въ сторону свою тетрадь. Ворконскій прекратилъ пѣніе, и всѣ съ большимъ удовольствіемъ принялись за ѣду. Дермидоновъ уписывалъ за обѣ щеки, причмокивая. Все его прыщеватое, мясистое, красное лицо такъ и лоснилось. Сѣрые глазки, изъ которыхъ одинъ былъ немного выше другого, сіяли блаженствомъ.

— Нѣтъ, господа, — говорилъ онъ:- каковъ пирогъ! Вотъ такъ пирогъ! Ей Богу, я такого и въ жизни не ѣдалъ... А дюшессы — смотрите, въдь, это бомбы!.. Ну, бѣдный же ты человекъ,

Веригинъ, не скоро къ нашей пансіонской тухлятинѣ пріучишься!.. А что, тебѣ часто будутъ присылать такія прелести изъ дока?

— Не знаю.

— Такъ ты постарайся, чтобы какъ можно чаще, да и на нашу долю...

— А теперь — довольно! — заключилъ онъ, проглатывая послѣдній кусокъ груши. — Охъ, недурно, жаль только вотъ — водки нѣтъ!.. Водки бы теперь царапнуть!.. Ну, да на нѣтъ — и суда нѣтъ... Теперь маршъ спать!

Онъ забралъ со стола бумаги, въ которыя былъ завернуть ужинъ, разорвалъ ихъ на мелкіе кусочки, сломалъ корзинку отъ фруктовъ, все это засунулъ въ печь, потомъ въ три, четыре шага длинныхъ ногъ очутился у своей кровати и началъ раздѣваться.

Я послѣдовалъ его примѣру. Я взглянулъ въ правый уголъ спальни, думая найти тамъ образъ, но образа не было. Тогда я тихонько про себя, постаравшись сосредоточиться и не отвлекаться, Дермидоновымъ, прочелъ привычныя молитвы и неумѣло приступилъ къ раздѣванью. Я въ первый разъ въ жизни раздѣвался самъ.

Оставшись въ одной рубашкѣ, я почувствовалъ, что въ комнатѣ холодно, и скорѣе нырнулъ подъ одѣяло. У меня очень болѣли руки и спина отъ драки, но и въ ногахъ было какое-то странное чувство, какъ будто ихъ свинцомъ налили. Я закрылъ глаза и внезапно какъ-то совсѣмъ забылся. Мнѣ казалось, что передо мною густыя облака, вотъ онѣ клубятся, клубятся, сейчасъ были красныя, теперь дѣлаются лиловыми... Охватываютъ меня всего и я какъ будто мчусь съ ними. Вотъ круги, блестящіе круги, сначала маленькіе, потомъ разрастаются больше и больше... Я нарочно сжимаю глаза, слѣдя за ихъ игрою.

Вдругъ что-то тяжеловѣсное рухнулось на мою постель и на давило мнѣ ногу. Съ испуганно-забившимся сердцемъ я открылъ глаза и увидѣлъ Дермидонова, который, уже въ одномъ бѣльѣ, довольно грязный и ужасный, сидѣлъ на моей кровати.

Я весь похолодѣлъ. Я думалъ, что Дермидоновъ сейчасъ примется опять меня щекотать, но тотъ будто угадалъ мою мысль и проговорилъ:

— Не бойтесь, молодой человекъ, щекото-

татъ васъ не стану, ибо вы очень хрупки, того и жди разсыпетесь, а я буду въ отвѣтъ... А знаете-ли что, прекрасный молодой человекъ, вѣдь, въ ваши годы стыдно быть такимъ фарфоровымъ... нужно быть сильнымъ, крѣпкимъ, а то барышни любить не будутъ... А сами вы изволите любить барышень?

Я ничего не отвѣчалъ, я даже еще не признавалъ хорошенько, что такое мнѣ говорить Дермидоновъ и только старался высвободить свою ногу, которую тотъ отдавливалъ.

Между тѣмъ Дермидоновъ склонился надо мною и продолжалъ:

— Да ты не стѣсняйся, не конфузься... вѣдь, мы пріятели. Отвѣчай откровенно: любишь барышень?

— Люблю! — въ отчаяньи прошепталъ я.

— Ну вотъ, я такъ и зналъ, даромъ что фарфоровая кукла: а ужъ шельма... по глазамъ видно! Ну, а влюбленъ?.. былъ влюбленъ?

Я, конечно, уже не разъ слышалъ это слово. Оно попадалось мнѣ и въ книгахъ, и каждый разъ производило на меня особенное впечатлѣніе, заставляло меня краснѣть. Я чувствовалъ въ немъ не то что стыдное, а

что-то какъ-будто запретное, даже страшно-ватое, хоть и заманчивое. Но до сихъ поръ я никогда особенно надъ нимъ не задумывался, а теперь, вдругъ произнесенное Дермидоновымъ, оно подняло во мнѣ цѣлый рой мыслей, ощущеній и воспоминаній.

Я мигомъ вспомнилъ многое и понялъ, что былъ влюбленъ, да, влюбленъ, конечно влюбленъ, и не разъ, не два, а нѣсколько разъ въ жизни. И теперь, измученный, избитый, утомленный, съ тоскою въ сердцѣ, съ туманомъ въ головѣ, я воскресилъ передъ собой милые образы и самъ не замѣтилъ, какъ губы мои прошептали:

— Да, былъ влюбленъ!

Дермидоновъ захохоталъ.

— А, каковъ, каковъ! Слушайте, господа, слушайте!.. Ну, а какъ же ты былъ влюбленъ? Цѣловался съ барышнями, а?

Антиповъ, все еще сидѣвшій за столомъ и писавшій, вдругъ бросилъ перо и обратился къ Дермидонову.

— Да перестань ты со своими пошлостями! Оставь ты его, дай спать, вѣдь, онъ маленькій...

— Хорошъ маленькій, — пробурчалъ Дермидоновъ, но все же послушно всталъ и направился къ себѣ на кровать.

Я закутался съ головою въ одѣяло и, самъ не знаю отчего, заплакалъ. Все мое тѣло ныло и болѣло. Наконецъ, мнѣ стало такъ душно, что я не могъ дольше выдержать и освободилъ голову изъ-подъ одѣяла.

Лампа была потушена, спальню едва озарялъ тусклый ночникъ, поставленный на окошко. Съ кровати Дермидонова раздавался неистовый храпъ и ему вторило легкое подсапыванье Розенкранца. Ворконскій лежалъ неподвижно какъ мертвецъ. Антиповъ, очевидно, не спалъ и, время отъ времени, повертывался съ боку на бокъ.

Я нѣсколько пришелъ въ себя; слезы мои остановились; но я не могъ успокоиться. Я переживалъ весь этотъ день, и оставался въ безнадежномъ недоумѣннн передъ всѣмъ, съ чѣмъ познакомился. Бѣдный Алексѣевъ, бѣдный «старичекъ», который скоро умретъ, которому родные не отвѣчаютъ и совсѣмъ забыли, покинули въ этомъ холодномъ пансіонѣ, когда докторъ сказалъ, что онъ мо-

жетъ жить только въ деревнѣ... За что насъ всѣхъ такъ мучаютъ, кормятъ такими противными кушаньями, а надзиратели тутъ же ѣдятъ другое, вкусное? Развѣ ученики не тѣ же люди? А этотъ ужасный мальчишка, такъ накинувшійся на меня! За что? Почему? А злой французъ-надзиратель? Что же будетъ дальше?.. Развѣ можно такъ жить?..

«Нѣтъ, завтра пріѣдетъ мама, я ей скажу, скажу все... Я не могу, я самъ умру здѣсь еще, можетъ быть, раньше Алексѣева... Я не могу!..»

«Домой... домой... домой...» отчаянно про себя повторялъ я, снова заливался слезами, снова дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и несчастіе меня не могло быть существа на свѣтѣ...

Часы въ сосѣдней комнатѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ стоялъ скелеть, о которомъ впрочемъ я теперь не думалъ и даже позабылъ, давно уже пробили полночь, а я все еще не спалъ подъ гнетомъ своихъ мыслей и страданій.

Въ спальнѣ становилось все холоднѣе и холоднѣе. Я ворочался съ боку на бокъ, кутаясь въ одѣяло. Но это не помогло. Я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Пробилъ часъ — сонъ не приходилъ, пробилъ два. Дермидоновъ громко бредилъ и ругался во снѣ. Розенкранцъ чихалъ и кашлялъ. Ночникъ зашипѣлъ и погасъ. Страшная тьма охватила меня, и я уже не зналъ, гдѣ я и что это такое кругомъ.

И вдругъ мнѣ показалось такъ ясно, такъ страшно ясно, что я лежу въ могилѣ, въ холодной и сырой могилѣ. Я не могъ пошевелиться и уже совсѣмъ навѣрно зналъ, что вотъ стоитъ только мнѣ протянуть немного руку — и она дотронется до стѣнки гроба. Мое сердце то совсѣмъ почти замирало, то

болѣзненно, мучительно билось... Протянуть руку или нѣтъ? А что если въ самомъ дѣлѣ?.. Нѣтъ, ни за что!.. Нѣтъ!

Я только дрожалъ и чутко прислушивался.

Но вотъ моя рука будто невольнo, будто сама собой высвободилась изъ-подъ одѣяла, сдѣлала движеніе — и встрѣтила что-то холодное, страшно холодное. Ужасъ охватилъ меня. Я совсѣмъ позабылъ, что это стѣна. Мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ я задохнусь. Наконецъ, я нѣсколько успокоился и почувствовалъ, что лежу на кровати. Я слышалъ только біеніе моего собственнаго сердца, холодный потъ покрывалъ мой лобъ.

Но это что такое? Что-то пискнуло и зашумѣло, опять пискъ... еще и еще... ближе, ближе!.. Вотъ что-то какъ-будто катится по полу, будто упало у самой кровати и вдругъ быстро шмыгнуло по моимъ ногамъ.

Я вскочилъ какъ сумасшедшій и закричалъ. Никто не услышалъ моего крика, всѣ крѣпко спали. Я не зналъ, что дѣлать и, объятый теперь уже исключительно паническимъ страхомъ, закутался съ головою въ одѣяло и ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ кто-нибудь

въ меня вцѣпится и задушить.

Ко всему этому я внезапно вспомнилъ о близкомъ сосѣдствѣ скелета. А вслѣдъ затѣмъ мнѣ пришла въ голову одна невѣроятно-нелѣпая мысль и, несмотря на всю свою нелѣпость, довела меня до послѣдней степени ужаса. Мнѣ вдругъ представилось, что въ тюфякъ, на которомъ я лежалъ, зашиты «человѣческія кости». Какъ это могло случиться, зачѣмъ? Я на этомъ не останавливался, но я ихъ «почти чувствовалъ» подъ собою. Мнѣ хотѣлось встать и бѣжать; но, вѣдь, за предѣлами кровати было еще страшнѣе...

Вѣдь, ужъ конечно, только что спущу я ногу, и ее непременно схватятъ, а если и не схватятъ, то она дотронется до чего-нибудь «такого», я не зналъ до чего, но зналъ, что ужаснѣе этого «чего-то» ничего и не можетъ быть на свѣтѣ...

Наконецъ, всѣ мои мысли, весь ужасъ вдругъ какъ-будто сразу оборвались, все застилалось туманомъ, туманъ разростался... все исчезло...

Я заснулъ.

«Дзинь!.. дзинь!.. дири-дири-дзинь!..» бли-

же, ближе, почти подь самымъ ухомъ.

«Что это такое? Что?!»

Я проснулся и приподнялъ свою тяжелую голову съ подушки ничего не понимая. Заспанный, грязный лакей ставилъ зажегнутую лампу на столъ. Дсрмидоновъ потягивался на своей кровати, зѣвалъ во весь ротъ и ругался. Розенкранцъ, Ворконскій и Антиповъ уже сидѣли и одѣвались.

— Что это? что?! — отчаянно спрашивалъ я.

— Что это? что! — передразнилъ меня Дсрмидоновъ. А то вотъ, что пора вставать, шесть часовъ... Ты, небось, думаешь, душа моя, что тебѣ позволять до десяти часовъ валяться... какъ же!

И вѣроятно для того, чтобы себя самого хорошенько разгулять, онъ соскочилъ съ кровати и, шлепая по полу босыми ногами, подбѣжалъ ко мнѣ и сдернулъ съ меня одѣяло. Я машинально, все еще ничего не понимая, кое-какъ одѣлся. Голова моя была будто налита свинцомъ, вѣки едва поднимались, во всѣхъ членахъ чувствовалась слабость и разбитость.

„Гдѣ же умываться?“ вдругъ сообразилъ я и спросилъ объ этомъ проходившаго мимо меня Антипова.

— А вотъ пойдѣмъ, бери свое полотенце, гдѣ оно у тебя? Пойдемъ...

Полотенце оказалось на маленькомъ столикѣ возлѣ кровати

Я взялъ его и поспѣшилъ за Антиповымъ. Мы шли или, вѣрнѣе, бѣжали по холоднымъ корридорамъ. Наконецъ, дверь отворилась и мы очутились въ длинной узенькой комнатѣ, гдѣ по стѣнамъ, одинъ возлѣ другого, стояли умывальники.

Боже мой, что тутъ происходило! Какой крикъ, какая давка! Пансионеры напирали другъ на друга, толкались, бранились и, добравшись наконецъ до умывальника, быстро споласкивали себѣ лицо и руки, наскоро вытирались своимъ повязаннымъ на шею полотенцемъ и убѣгали. Это называлось умываньемъ.

Я долго не могъ пробраться къ умывальнику и когда это мнѣ удалось, то совсѣмъ растерялся. Я съ дѣтства привыкъ умываться холодной, чистой водою, намыливая себѣ руки, лицо и шею. Между тѣмъ, какъ ни искалъ я —

мыла не было, да не было почти и воды. Передо мной стоялъ мѣдный тазъ съ грязной водою; надъ тазомъ висѣлъ грязный рукомоѣникъ. Я догадался, что нужно повернуть кранъ, вода было побѣжала, но сейчасъ же струйка ея оборвалась. А сзади напирали, толкали меня въ бока и шею, и кричали.

— Да чего ты возишься?.. скорѣй, скорѣй!..

Наконецъ, кто-то схватилъ меня за плечи и отшвырнулъ.

Я провелъ мокрыми руками по лицу, вытеръ и руки и лицо полотенцемъ и побрелъ обратно въ спальню. Тамъ меня встрѣтилъ вчерашній ужасный французъ, исподлобья взглянулъ на меня и пробурчалъ:

— Vous n'êtes pas encore prêt? Mais à quoi pensez-vous donc? Dépêchez-vous... vite, vite!

Я бросилъ полотенце на кровать и побѣжалъ внизъ пить чай.

Ахъ, какъ было холодно! Кирпичный чай показался чуднымъ напиткомъ, но увы, розлитый заранѣе въ кружки, онъ уже успѣлъ изрядно остынуть...

Очувившись послѣ чаю въ классъ, гдѣ еще горѣли лампы, такъ какъ зимнее утро медли-

ло показаться въ покрытыя морознымъ узоромъ окна, мальчики принялись за приготовленіе уроковъ, а я ежеминутно вынималъ изъ кармашка часики и поглядывалъ на нихъ, разсчитывая, когда можетъ пріѣхать моя мать. Я твердо рѣшилъ все объяснить ей и былъ увѣренъ, что послѣ этого объясненія она уже не оставитъ меня въ ужасномъ пансіонѣ, а повезетъ домой.

Между тѣмъ время, хоть и медленно, но все же шло. Вотъ уже въ классѣ появился ламповщикъ; лампы потушены, блѣдный, розоватый свѣтъ врывается въ окна... Вотъ уже и совсѣмъ день.

Звонокъ. Входитъ учитель. Это священникъ въ фіолетово, муаръ-антиковой рясѣ, съ магистерскимъ крестомъ на груди, съ крупнымъ носомъ и черными на выкатъ глазами.

По тому, какъ присмирѣлъ классъ, я замѣтилъ, что „батюшку“ побаиваются. Кто-то читаетъ утреннюю молитву...

— Яснѣе! громче! — строгимъ голосомъ замѣчаетъ священникъ.

Но я становлюсь совсѣмъ безучастнымъ, я гляжу на часы, и жду... Вдругъ священникъ

меня вызвалъ. Я растерянно подвшелъ къ каѳедрѣ, несовсѣмъ впопадъ отвѣчалъ на вопросы.

— Безтолковъ! садись на свое мѣсто! — сказалъ нетеркѣливо священникъ, но затѣмъ пристально взглянулъ на меня своими пронизательными глазами и остановилъ меня за руку. — Не привыкъ еще, по дому скучаешь, — такъ ли?

— Да! — прошепталъ я.

Священникъ положилъ мнѣ руку на плечо.

— Ну ступай, ступай, оглядись, попривыкнешь...

Я поплелся на свое мѣсто.

Послѣ этого урока, когда священникъ уже вышелъ, въ дверяхъ класса показался Тиммерманъ.

— Silence! — взвизгнулъ онъ. — Веригинъ, venez ici!

У меня такъ и застучало сердце. Я вздрогнулъ, себя не помня, перескочилъ черезъ скамью и кинулся къ Тиммерману. Тотъ взялъ меня за руку, вывелъ изъ класса, подвелъ къ окну корридора и подалъ мнѣ письмо.

— Voici... lisez, mon enfant!

Сердце замерло, мучительное предчувствие охватило меня... Руки такъ дрожали, что я едва былъ въ состояніи распечатать письмо, пробѣжалъ его глазами и нѣсколько мгновений стоялъ, весь застывшій отъ отчаянія и ужаса.

Все кончено... Мама пишетъ, что ѣдетъ сегодня въ Петербургъ, она не пріѣдетъ проститься, чтобы не отвлекать меня отъ уроковъ... Обѣщаетъ скоро вернуться...

Письмо выпало изъ рукъ моихъ. Ноги подкашивались и я зарыдалъ, громко, безумно, захлебываясь слезами, порываясь бѣжать куда-то. Тиммерманъ крѣпко держалъ меня за руку и, наконецъ, вѣрно выйдя изъ терпѣнія, даже крикнулъ: „Silence!“, но вдругъ опомнился и прибавилъ:

— M-m... mon enfant, calmez-vous, soyez raisonnable!

Однако, успокоить меня теперь было трудно. Я уже не владѣлъ собою. Тиммерманъ отвелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ какъ разъ противъ скелета, заставилъ выпить воды, а потомъ, видя, что ничего не помогаетъ,

ушелъ и вернулся съ женою.

Мадамъ Тиммерманъ начала говорить что-то и гладила меня по головѣ, но я почти не замѣчалъ ея присутствія.

Мало-по-малу рыданія мои все же утихли. Я сидѣлъ, время отъ времени вздрагивая и бессмысленно глядя передъ собою, прямо на оскаленные зубы скелета.

Тиммерманы, вѣрно, убѣдились, что увѣщанія ихъ подѣйствовали и, разрѣшивъ мнѣ остаться этотъ часъ здѣсь, въ комнатѣ, чтобы окончательно успокоиться, оба они вышли и заперли за собою дверь.

Я остался одинъ съ неотвязной, какъ камень давившей мыслью, что все кончено, что я покинуть, такъ же покинуть, какъ Алексѣевъ. Теперь ужъ не было слезъ, оставалась безысходная тоска, и холодъ, мучительный внутренній холодъ совсѣмъ леденилъ меня. Я сидѣлъ неподвижно, уныло опустивъ голову, и все глядѣлъ на зубы скелета.

VI

Когда я окончательно пришелъ въ себя и понялъ, что судьба моя совершилась, я вдругъ какъ-то весь внутренно встряхнулся. Слезы мои высохли. Я рѣшился терпѣливо выносить все, а главное, никому не показывать виду, что мнѣ такъ тяжело, такъ тоскливо, такъ больно. Мнѣ даже стыдно стало за малодушіе, за то, что я не удержался и такъ плакалъ, а главное — передъ Тиммерманомъ и его женою.

Я вернулся въ классъ и началъ упорную борьбу со своими мыслями и чувствами. Вотъ эти мысли и чувства увлекаютъ меня туда, домой, за матерью... Но я сейчасъ же ихъ останавливалъ, напрягалъ всѣ усилія воли, заставлялъ себя видѣть, слышать и понимать окружающее и даже имъ интересоваться. Это было мнѣ очень, очень трудно, но я все же продолжалъ бороться...

Наконецъ, въ этотъ же день, мнѣ помогли обстоятельства — Тиммерманъ далъ мнѣ первый урокъ латинскаго языка. Пришлось напрячь все свое вниманіе и приняться уже за

новую, тоже очень трудную борьбу. Во второмъ классѣ (куда по своимъ познаніямъ я былъ принятъ) латинскій языкъ преподавался, такъ сказать, на нѣмецкомъ языкѣ, то-есть всѣ объясненія грамматическихъ правилъ и переводы дѣлались по-нѣмецки. Тиммерманъ не захотѣлъ принять въ расчетъ, что я нѣмецкаго языка почти не зналъ, и мнѣ пришлось справляться съ довольно сложной задачей изучать незнакомый языкъ посредствомъ незнакомаго же языка.

Но у меня были хорошія способности, еще не заморенная, свѣжая, дѣтская память. Я принялся за работу — эта работа помогала мнѣ забываться, и хотя отъ нея оставался туманъ въ головѣ и нервная усталость, но я не обращалъ на это вниманія. Я видѣлъ только, что время идетъ скоро, что вотъ осталось всего два дня до субботы.

Пришла и суббота. Пансіонеровъ распускали въ двѣнадцать часовъ. За мною пріѣхалъ дядя. Я наскоро собралъ нужныя для понедѣльника книги, и, пока ѣхалъ домой, мнѣ казалось, что я никогда не доѣду. вмѣстѣ съ этимъ меня наполнила такая радость, мнѣ

стало такъ весело, что и въ голову даже не пришло открыть душу дядѣ и передать ему обо всѣхъ испытанныхъ мною терзаніяхъ.

— Ну что, Ганекъ, не соскучился, хорошо тебѣ было? больно тебя драли? — спрашивалъ дядя.

Но я даже ничего не отвѣчалъ ему, а въ свою очередь спрашивалъ на сколько времени уѣхала мама, что дома, всѣ-ли здоровы?..

Бабушка, увидя меня, такъ и всплеснула руками.

— Ганя, батюшка, да въ какомъ это ты видѣ?.. На что это похоже?.. Да ты, никакъ, цѣлую недѣлю не умывался? — повторяла она, оглядывая меня.

Сама она была воплощеніемъ чистоты и всякаго порядка, а я могъ изумить кого угодно. Я объяснилъ бабушкѣ, какимъ образомъ умывался всѣ эти дни.

— Нѣтъ, это такъ нельзя! — сказала она. — Завтра же я поѣду къ Тиммерману...

Я хотѣлъ бѣжать отыскивать сестеръ и брата, но оказалось, что они гуляютъ. Тотчасъ же бабушка велѣла приготовить ванну, и когда дѣти вернулись съ прогулки, я уже былъ

вымыть, причесанъ и одѣтъ.

Я еще въ пансіонѣ думалъ о томъ, какъ это будетъ хорошо увидаться съ дѣтьми, какъ я буду имъ рассказывать все, все, въ какой ужасъ они придутъ отъ того, что пришлось мнѣ пережить. И вотъ ничего этого не случилось. Я сразу замѣтилъ, что дѣти встрѣтили меня равнодушно и даже ни о чемъ не спросили, а когда я сталъ передавать сестрѣ Вѣрѣ свою одиссею, она вдругъ перебила меня замѣчаніемъ, что я навѣрно все это выдумываю, что, конечно, ничего такого не можетъ быть и что ей вообще, вовсе не интересно знать, какъ живутъ и что дѣлаютъ мальчики въ пансіонѣ. Я обратился къ младшимъ дѣтямъ, но они убѣжали, и я почувствовалъ себя, пожалуй, еще болѣе одинокимъ, чѣмъ въ пансіонѣ.

Я сталъ бродить по комнатамъ, хотѣлъ было забраться въ кабинетъ отца, въ комнату матери; но кабинетъ былъ запертъ, а въ комнатѣ матери было какъ-то такъ тихо, что мнѣ стало даже жутко. Тогда я рѣшилъ, что самое лучшее — приняться за приготовленіе уроковъ, чѣмъ и занимался до самаго обѣда. Обѣдъ

нѣсколько развлекъ меня. Я ѣлъ за двоихъ и, конечно, рассказалъ о томъ, какъ кормятъ у Тиммермана. Но тутъ Вѣра крикнула:

— Выдумываетъ, выдумываетъ!

Не повѣрила и бабушка.

— Ну, ужъ это что-то такъ, да не такъ! — сказала она. — Конечно, нельзя требовать, чтобы въ пансіонѣ былъ такой обѣдъ какъ дома. Что жъ, пріучись, въ жизни ко всѣму привыкать надо!

И она при этомъ вздохнула.

Все же я безъ всякаго труда уговорилъ ее почаще присылать мнѣ изъ дома съѣстное. Однако, насчетъ умыванья такъ и осталось: бабушка къ Тиммерману не поѣхала...

Дни стали проходить за днями. Я мало-по-малу освоился въ пансіонѣ и привыкалъ ко всѣмъ его ужасамъ. У меня все еще было такъ тоскливо на душѣ, что я даже радъ былъ необходимости работать черезъ силу. Я дѣлалъ быстрые успѣхи въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и Тиммерманъ, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ послѣ cadaго урока меня похваливать.

— Mm-m... mon enfant, èa ya bien, très bien!

При этомъ онъ легонько похлопывать меня по щекѣ своей красной и всегда холодной рукою.

Но эта усидчивость въ работѣ и прилежаніе прибавили къ первымъ моимъ житейскимъ разочарованіямъ еще новое разочарованіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ оно оставило сильный и долгій слѣдъ въ моей жизни.

Самымъ строгимъ, хотя и справедливымъ учителемъ во второмъ классѣ былъ нѣмецъ Фреймутъ. Онъ уже замѣтилъ, что я прилежный ученикъ и обращалъ на меня большое вниманіе, какъ на одного изъ самыхъ слабѣйшихъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Онъ то и дѣло вызывалъ меня.

Собственно преподаваніе его заключалось въ трехъ вещахъ: въ выучиваньи наизусть грамматическихъ правилъ по тетради, составленной имъ самимъ, въ выучиваньи наизусть стихотвореній Уланда и, наконецъ, въ такъ называемыхъ «сочиненіяхъ», т. е. письменной передачѣ по-нѣмецки того, что Фреймутъ рассказывалъ.

Я училъ наизусть очень легко и всегда

отвѣчалъ урокъ безъ запинки. Но эти «сочиненія» въ первое время представляли для меня страшную трудность, такъ какъ я понималъ никакъ не больше четверти изъ того, что рассказывалъ Фреймутъ. Тутъ мнѣ на помощь являлся мой сосѣдь и другъ, Алексѣевъ, мальчикъ неспособный и лѣнивый вслѣдствіе болѣзни, но довольно хорошо знавшій нѣмецкій языкъ. Онъ передавалъ мнѣ по-русски рассказъ учителя, служилъ мнѣ лексикономъ незнакомыхъ словъ.

Такимъ образомъ я кое-какъ два раза смастерилъ сочиненія. Я изрядно потрудился надъ ними, но они все-же вышли изъ рукъ вонъ плохи, а Фреймутъ, не принявъ во вниманіе трудностей, съ которыми я долженъ былъ бороться, оба раза поставилъ мнѣ по двойкѣ.

Я чувствовалъ, что сдѣлалъ все, что было въ моей власти, и эти двойки казались мнѣ несправедливостью. Но все-же я съ достаточнымъ спокойствіемъ перенесъ ихъ.

Вотъ въ третій разъ задало сочиненіе. Задано оно было въ пятницу, а въ понедѣльникъ нужно было подать учителю.

Алексѣевъ объяснилъ мнѣ содержаніе, я выслушалъ и сказалъ:

— Ну ужъ теперь я надѣюсь, не получу двойки, ужъ я такъ сдѣлаю, что сочиненіе мое будетъ недурно...

— Кавъ-же ты сдѣлаешь? — спросилъ Алексѣевъ.

— А ужъ такъ, я придумалъ!

Мнѣ дѣйствительно неожиданно пришла въ голову блестящая мысль.

Приѣхавъ домой въ субботу, я даже почти не обратилъ вниманія на дѣтей, а весь этотъ день и все воскресенье провелъ въ своей комнатѣ, за работой, выходя только къ завтраку и къ обѣду. Бабушка нѣсколько разъ заходила ко мнѣ и видѣла меня углубленнымъ въ писанье и окруженнымъ книгами.

— Да что-же это ты, Ганёкъ, — говорила она:— неужто у васъ ужъ столько уроковъ? Этого быть не можетъ! Сегодня на дворѣ чудесная погода, и морозъ не великъ, дѣти собираются кататься... Развѣ ты не поѣдешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Нѣтъ, ужъ оставьте меня, я долженъ непременно кончить! Это очень трудно, но... я долженъ...

Наконецъ, бабушка рѣшила меня оставить въ покоѣ. И я продолжалъ работать, не замѣчая времени, не чувствуя усталости. Вотъ что я придумалъ: прежде всего я написалъ сочиненіе по-русски, обдуманно, обстоятельно и, по возможности, краснорѣчиво. Затѣмъ я разложилъ передъ собою нѣмецкую грамматику и лексиконъ и принялся переводить слово за словомъ. Отыщу всѣ слова, окончу фразу, а затѣмъ ищу въ грамматикѣ всѣ правила, какъ нужно размѣстить слова. Это было самое трудное. Но въ воскресенье къ обѣду я кончилъ всю эту работу, красиво переписалъ свое сочиненіе, которое вышло и объемистымъ и обстоятельнымъ. Въ понедѣльникъ я самоувѣренно подаль его Фреймуту, а на другой день ожидалъ торжества своего.

Нѣмецъ принесъ прочитанныя имъ сочиненія съ выставленными на нихъ отмѣтками. Голубоглазый нѣмчикъ Штуббендорфъ, любимчикъ учителя, принялъ отъ него эти тетради и разносилъ ихъ по принадлежности.

Вотъ и у меня въ рукахъ моя тетрадка.

Сколько поставилъ Фреймутъ? не двойку-же! Можетъ быть пять, и уже во всякомъ случаѣ не меньше четырехъ...

Съ замираніемъ сердца я развернулъ тетрадь, взглянулъ, и не повѣрилъ глазамъ своимъ. Подъ трудомъ двухъ вакаціонныхъ дней былъ выведенъ рукою Фреймута огромный нуль.

Какъ нуль?! Да нѣтъ, этого быть не можетъ!

Но я еще не успѣлъ придти въ себя, какъ Фреймутъ подозвалъ меня къ каедрѣ и сказалъ, обращаясь ко всему классу:

— На этотъ разъ самое лучшее сочиненіе было мнѣ подано Веригинымъ. Aber ich. habe ihm einen grossen Nul gestellt... Warum? Почему я ему поставилъ большой нуль? Потому что онъ хотѣлъ обмануть меня. Потому что онъ не самъ написалъ это сочиненіе!

Я почувствовалъ, какъ сердце мое почти перестаетъ биться, какъ весь я холодѣю, и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Какъ не самъ?! — крикнулъ я. — Какъ-же вы можете говорить это?.. Это неправда, я самъ написалъ, самъ!

— Ого! — произнесъ нѣмецъ, и презрительно взглянулъ на меня. — А если самъ, такъ вотъ докажи, возьми мѣлъ, подойди къ доскѣ и пиши, пиши на доскѣ свое сочиненіе...

Я взялъ мѣлъ, вывелъ два, три слова, но дальше не могъ. Впервыхъ, я былъ сильно взволнованъ и не владѣлъ собою, а во вторыхъ, Фреймутъ не понялъ, какую нелѣпость онъ выдумалъ, на какомъ, такъ сказать, средневѣковомъ способѣ доказательства невинности остановился. Чтобы повторить наизусть сочиненіе, я долженъ былъ его предварительно выучить слово въ слово, запомнить всѣ слова, отысканныя мною въ лексиконѣ, всѣ грамматическія правила, которыя я съ такимъ трудомъ примѣнялъ, имѣя грамматику передъ глазами, когда работалъ надъ своимъ сочиненіемъ. Конечно, этотъ упорный трудъ двухъ дней принесъ мнѣ пользу, я запомнилъ нѣсколько правилъ и нѣсколько новыхъ словъ, но все-же воспроизвести всю эту работу на доскѣ, вдругъ, сейчасъ, передъ цѣлымъ классомъ, подъ обвиненіемъ въ неблагогородномъ поступкѣ — это было невоз-

МОЖНО.

— Ну вотъ и ошибся, вотъ и не можешь писать. Ты лгунъ, ты обманщикъ! — проговорилъ Фреймутъ, презрительно махнувъ рукою.

Себя не помня, бросилъ я мѣлъ на полъ и кинулся изъ класса. Я прибѣжалъ къ Тиммерману, котораго засталъ въ кабинетъ, но нѣсколько мгновений не могъ выговорить ни слова, рыданія душили меня. Наконецъ, кой-какъ я объяснилъ въ чемъ дѣло. Потомъ я рассказалъ Тиммерману подробно весь процессъ моей работы и снова залился слезами.

— Пусть онъ мнѣ десять, двадцать нулей поставитъ, мнѣ все равно, — отчаянно выговорилъ я. — Но зачѣмъ-же онъ говоритъ, что я лгунъ, что я обманщикъ?!

— M-mm, mon enfant, успокойся! — сказалъ Тиммерманъ:— я знаю, что ты прилежный ученикъ, я поговорю съ Herr Freimuth...

Тиммерманъ дѣйствительно поговорилъ съ Фреймутомъ. Нуль въ журналъ не былъ мнѣ поставленъ. Фреймутъ ничего не поставилъ. Алексѣевъ и еще три-четыре мальчика, съ которыми я нѣсколько сблизился, были увѣрены въ моей невинности, остальному-же

классу до всего этого не было собственно никакого дѣла.

«Ну, сплутоваль — такъ что-же? Отчего и не сплутовать!.. Попался, такъ въ другой разъ будетъ осторожнѣе!»

Большинство класса плутовало съ этими «сочиненіями»: одинъ изъ «армяшекъ» откуда-то добылъ книгу, по которой Фреймутъ рассказывалъ; книга эта былъ романъ «Монтекристо», сокращенный и передѣланный для юношества на нѣмецкомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, исторія эта скоро забылась. Мало того, я понемногу сдѣлался любимцемъ Фреймута и оставался имъ во все мое пребываніе въ пансіонѣ. Но самъ я не только не могъ забыть этой исторіи, а она даже произвела на меня такое впечатлѣніе, что я въ тотъ-же день почувствовалъ себя очень дурно, къ вечеру у меня сдѣлался жаръ, и я три дня пролежалъ въ постели. Старикъ докторъ приходилъ и мазалъ меня свинымъ саломъ, а черезъ три дня явился Тиммерманъ и, не вступая ни въ какія объясненія, велѣлъ мнѣ одѣться и идти въ классъ...

Прошло около двухъ мѣсяцевъ и моя мать

вернулась изъ Петербурга. Она замѣтила, что я очень измѣнился, да и бабушка сказала ей, что каждый разъ по субботамъ я возвращался домой такимъ худымъ, блѣднымъ, измученнымъ и голоднымъ. Оно было не мудрено. Полное отсутствіе движенія на чистомъ воздухѣ, недостаточная и вредная пища — я почти не прикасался къ Тиммермановскимъ обѣдамъ и ужинамъ — а присылаемые изъ дому припасы, главнымъ образомъ, находили себѣ удобное помѣщеніе въ желудкѣ Дермидонова, — наконецъ, чрезмѣрная работа, тоска — все это разрушительно на меня дѣйствовало.

Мои домашніе подумали, подумали, и кончилось тѣмъ, что было принято такое рѣшеніе: оставить меня у Тиммермана, но только какъ полупансіонера. Я буду каждое утро ѣздить въ пансіонъ къ началу классовъ и возвращаться по окончаніи ихъ, въ шесть часовъ, домой къ обѣду.

Моя мать поѣхала къ Тиммерману и, какъ я потомъ узналъ изъ ея разсказовъ, объявила ему о своемъ рѣшеніи, замѣтивъ при этомъ, что такая перемѣна ничуть не касается де-

нежныхъ условій, то-есть, что плата за меня будетъ все та-же. Тиммерманъ сдѣлалъ видъ, что не обратилъ на это вниманія и выразилъ неудовольствіе:

— Да, развѣ ему не хорошо? Кажется, онъ ни на что не можетъ жаловаться?

Но мать на этотъ счетъ его успокоила и сказала, что я ни на что не жалуясь.

Узнавъ о неожиданной перемѣнѣ въ моей жизни, я былъ совсѣмъ пораженъ.

Такъ это было возможно? Какъ-же возможность эта не пришла мнѣ въ голову, отчего-же я воображалъ, что эта ужасная жизнь безъ исхода?

«Ахъ, какъ хорошо! Боже, какъ хорошо!» — думалъ я, боясь даже вѣрить своему счастью.

VII

Со времени пребыванія моего въ пансіонѣ Тиммермана прошло очень много лѣтъ, и конечно, теперь, когда я описываю тогдашнія событія, я не могу относиться къ нимъ пристрастно, я вижу ихъ не въ томъ освѣщеніи, въ какомъ они мнѣ тогда представлялись. Въ настоящее время я могу судить спокойно, безотносительно къ себѣ самому, и картина этого «воспитательнаго» заведенія является передо мною точнымъ фотографическимъ снимкомъ съ дѣйствительности. Передавая эту картину, мнѣ не зачѣмъ сгущать или ослаблять краски.

И вотъ, безпристрастно я долженъ сказать, что это было заведеніе совсѣмъ исключительное, какого въ наши дни даже трудно представить. Если ученіе въ немъ шло недурно, зато способъ воспитанія былъ таковъ, что можно смѣло было задать вопросъ: не были ли устроенъ этотъ пансіонъ для того, чтобы всячески терзать и портить попавшихъ въ него мальчиковъ? Самъ Тиммерманъ, нынѣ

давно уже умершій, не отличался ни жестокостью, ни глупостью. Онъ былъ, безспорно, образованнымъ человѣкомъ и въ то-же время какимъ-то мечтателемъ, не имѣвшимъ ровно ничего общаго съ педагогіей; дѣтей и дѣтскій міръ онъ вовсе не понималъ и относился къ нему съ большимъ равнодушіемъ. Открылъ онъ пансіонъ, очевидно, по настоянію своей жены, весьма практичной, холодной нѣмки, которая видѣла въ этомъ дѣлѣ способъ большой наживы. Она всѣмъ завѣдывала и распоряжалась въ пансіонѣ, она вела всѣ счета и расчеты, ей многія сотни мальчиковъ, прошедшихъ черезъ этотъ пансіонъ, обязаны, главнымъ образомъ, всѣми своими мученіями.

Madame Тиммерманъ достигла своей цѣли, какъ говорили, пансіонъ принесъ ей весьма значительное состояніе. Холодъ и голодъ, испытанный нами, порча нашихъ желудковъ и всего организма именно въ тѣ годы, когда человѣческой организмъ требуетъ особенно серьезныхъ заботъ для своего правильнаго развитія, порча нашихъ характеровъ и всякая нравственная порча, происходившая отъ

скверныхъ надзирателей, единственнымъ достоинствомъ которыхъ было то, что они соглашались служить за малое жалованье, вотъ на чемъ алчная нѣмка основала свое благосостояніе. Пошло-ли ей и ея семьѣ въ прокъ это благосостояніе, я не знаю.

Какъ-бы то ни было, тощая, прилизанная, всегда спокойная, съ холоднымъ и безжалостнымъ взглядомъ круглыхъ глазъ, она, чуть свѣтъ, уже была въ движеніи, въ работѣ, поглощенная выниманіемъ денегъ отовсюду. Тиммерманъ-же только носился по пансіону со своей развѣвавшейся гривкой и склоненною на бокъ головою, взвизгиваль, иногда совсѣмъ некстати, привычное «silence!», давалъ латинскіе уроки въ младшемъ классѣ и, очевидно, гдѣ-то виталь мыслями, о чемъ-то мечталъ. Впослѣдствіи выяснилось, что его любимымъ занятіемъ, сущю его жизни, были веселыя бесѣды и попойки съ разными родственниками и товарищами, московскими пѣвцами всякихъ профессій. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ бесѣдъ и попоекъ, тиммермановскій носъ краснѣлъ не по днямъ, а по часамъ, и на моихъ глазахъ изъ

невзрачнаго, но все-же человѣческаго носа превратился въ какую-то висюльку ярко-малиноваго цвѣта.

Надзиратели могли-бы, можетъ быть, занимать какія угодно должности, только не надзирателей; откуда они брались, сказать трудно, и я даже отказываюсь дѣлать по этому предмету какія-либо предположенія. Начать съ нѣмцевъ. Хипцъ — грязный, глупый и глухой, вѣчно былъ облѣпленъ пластырями и, страдая хроническимъ насморкомъ, мылъ въ классѣ, изъ графина, надъ плевальницей, свои носовые платки, а затѣмъ сушилъ ихъ на классныхъ подоконникахъ. Онъ вѣчно и всецѣло былъ занятъ этимъ мытьемъ и пластырями, которые отдиравъ отъ своихъ болячекъ и снова налѣплялъ, классъ-же при немъ могъ невозбранно предаваться всѣмъ своимъ инстинктамъ. Гринвальдъ, сухой какъ мумія человѣкъ среднихъ лѣтъ, или спалъ на каѳедрѣ, или велъ бесѣду съ нашими нѣмчиками, которыми только и занимался. Мертенсъ, добродушнаго и наивно-комичнаго вида толстякъ, называвшійся у насъ «водо-возомъ», только и дѣлалъ, что рассказывалъ

своимъ любимчикамъ смѣшныя и непристойныя анекдоты и всѣхъ старшихъ пансіонеровъ приглашалъ къ себѣ, увѣряя, что у него «ошень миленьки, добри и смѣшни дочки».

Изъ французовъ, кромѣ звѣря и человѣконенавистника Дерондольфа, о которомъ я уже говорилъ, я помню еще m-г Жюльера. Онъ также давалъ намъ уроки французскаго языка, замѣнивъ собою чопорнаго и театрално-изящнаго Сатіаса. Жюльеръ былъ еще молодой человѣкъ, худенькій, юркій, съ такимъ большимъ, непонятно-тонкимъ и острымъ носомъ, что могъ, кажется, обмакнувъ его въ чернила, писать имъ вмѣсто пера. Но хоть и не носомъ, а онъ писалъ, писалъ стихи, и даже издалъ книжку своихъ стиховъ. Особенность его музы заключалась, въ томъ, что онъ писалъ свои стихотворенія такъ, что изъ ихъ строкъ образовывались разные предметы: то графинь, то рюмка, то ваза, то крестъ. Помню, даже одно стихотвореніе было въ формѣ женской головки. Конечно, въ этомъ проявилось своего рода искусство; но можно себѣ представить, что за бессмыслица заклю-

чалась въ этихъ стихотворныхъ фигурахъ!

Жюльяръ былъ, конечно, преисполненъ сознаниемъ своей геніальности, постоянно говорилъ только о себѣ, только о своихъ стихахъ и успѣхахъ, заставлялъ насъ учить наизусть, въ видѣ избранныхъ произведеній французской поэзіи, эти стихи-фигуры.

Вотъ онъ на кафедрѣ водить острымъ носомъ, какъ указкой по журналу... Вдругъ, закинувъ голову и тряхнувъ длинными «поэтическими» волосами, крикнетъ, смотря на меня:

— Eh bien, Vérigaine, récitez ma «bouteille»!

И я долженъ декламировать ему его «бутылку», — нѣчто невообразимо-нелѣпое.

Конечно, очень скоро мы обратили его въ шуты, издѣвались надъ нимъ всячески, онъ не выдержалъ — и покинулъ пансіонъ, къ нашему величайшему огорченію.

VIII

Памятенъ мнѣ еще англичанинъ, мистеръ Джэкоби, по прозванію «козелъ». Онъ, дѣйствительно, какъ двѣ капли воды походилъ на козла и совсѣмъ по козлиному трясъ своей козлиной бородою. Онъ былъ золь и свирѣпъ; кромѣ англійскаго языка ни на какомъ не понималъ ни слова и это его, очевидно, особенно раздражало.

Бывало, ходитъ онъ по классу или рекреационному залу. Вдругъ ему показалось что-нибудь неподходящее. Накинется онъ на пансіонера, иной разъ ни въ немъ неповиннаго, трясетъ бородою, мотаетъ крутымъ лбомъ — вотъ-вотъ забодаетъ, бормочетъ что-то совсѣмъ по козлиному... И никакихъ объясненій, никакихъ оправданій — отмѣтка въ записной книгѣ «пансіонеръ N... безъ обѣда, безъ ужина, пансіонеръ NN... въ карцеръ, на хлѣбъ и воду, безъ отпуска». А за что — никто не знаетъ.

Особено армянамъ отъ него доставалось. И вотъ, наконецъ, прошелъ между ними ропоть. Созрѣлъ заговоръ; въ заговорѣ этомъ

приняли участіе и нѣсколько великовозрастныхъ русскихъ воспитанниковъ. Я въ то время былъ уже приходящимъ, а потому записываю эту «исторію съ козломъ» со словъ товарищей пансіонеровъ. «Козель» дежурилъ въ дортуарѣ «маленькихъ». Въ роковую для него ночь онъ крѣпко и мирно спалъ, когда на порогѣ дортуара, во всеобщей тишинѣ и полутьмѣ, показались странныя фигуры — въ одномъ бѣльѣ, босикомъ, съ лицами, обвязанными платками, въ которыхъ были вырѣзаны три дыры — двѣ для глазъ и одна для рта. Такихъ фигуръ было около десяти; въ рукахъ у каждой находилось по сапогу. Два-три человекъ «маленькихъ» проснулись было, но при видѣ угрожающихъ жестовъ бѣлыхъ фигуръ и при словахъ: «спите и не дышите, мы „Козла“ пришли учить!» — тотчасъ же притихли и только однимъ глазкомъ поглядывали.

Вотъ что они увидѣли: бѣлая фигура, съ удивительной быстротой, окружили кровать «козла» и, прежде чѣмъ онъ опомнился, сильныя руки воткнули ему въ ротъ платокъ и крѣпко скрутили ему руки и ноги. Когда онъ

оказался въ такомъ положеніи, что не могъ ни шевельнуться, ни крикнуть, ему вырвали нѣсколько клочковъ изъ бороды и всего его избили сапогами такъ, что онъ, кажется, потерялъ сознаніе. Рано утромъ несчастнаго «козла» увезли въ больницу, и ужъ онъ не возвращался, конечно, въ пансіонъ.

Тиммерманъ сталъ производить слѣдствіе, однако, изъ этого ничего не вышло. Надо было исключить около десяти пансіоперовъ; но madame Тиммерманъ нашла это слишкомъ невыгоднымъ. Никого не исключили, и герои «исторіи съ козломъ» наводили трепетъ на младшіе классы.

Вспоминаются мнѣ и еще другого рода экзекуціи, которыхъ я самъ, лично, былъ свидѣтелемъ во время моего двухмѣсячнаго пансіонерства. У насъ въ классъ былъ больной мальчикъ, по фамиліи Клеберъ. Видъ его невольно возбуждалъ жалость. Тщедушный, блѣдный, запуганный; одинъ глазъ у него отчего-то вытекъ, и пустое его отверстіе гноилось. Ко всему этому съ нимъ иногда случалось во время сна то, что у маленькихъ дѣтей бываетъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ,

а у вышедшихъ изъ младенчества указыва-
етъ на крайне болѣзненное разстройство ор-
ганизма. Конечно, несчастный Клеберъ глубо-
ко страдалъ отъ стыда и, конечно, если-бъ
только это было въ его власти, онъ избавился
бы отъ своей болѣзни. Его слѣдовало лѣчить
серьезно и постоянно, но никто объ этомъ не
думалъ. Мало того: Тиммерманы, мужъ и же-
на, вмѣстѣ съ надзирателями, рѣшили, что
Клебера надо отучать и наказывать. Наказаніе поручалось самимъ воспитанника-
мъ.

И вотъ, когда съ бѣднымъ мальчикомъ
случалась бѣда, рано утромъ, еще до чаю, ему
надѣвали на голову высокій дурацкій колпа-
къ изъ оберточной бумаги, закутывали его въ
грязную простыню, собирали отовсюду щет-
ки и швабры, составляли цѣлую процессію
человѣкъ въ тридцать, и съ гикомъ и свисто-
мъ водили безвиннаго преступника по всему
пансіону, по всѣмъ дортуарамъ, корридоранъ,
классамъ и столовой. Клеберъ шель покор-
ный какъ агнецъ, съ несчастнымъ, блѣдно-зе-
леноватымъ лицомъ, съ вытекшимъ, гноя-
щимся глазомъ... Я никогда не забуду этого

лица, этой закутанной въ мокрую простыню фигуры, всей этой процессіи, на которую спокойно глядѣли Тиммерманы и надзиратели! Это одна изъ тѣхъ живыхъ галлюцинацій, одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ бредовъ жизни, при воспоминаніи о которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ...

Несмотря на злость нѣкоторыхъ надзирателей и на частыя наказанія, заключавшіяся, главнымъ образомъ, въ обязательномъ голоданіи, распущенность пансіонеровъ была необыкновенна. Съ утра и до вечера мальчики ругались самымъ отвратительнымъ образомъ. Съ третьяго класса у насъ, по почину нѣкоего рускаго англичанина Джибсона и его пріятеля Горша, иначе даже не разговаривали между собою, какъ извощичьими словами. Составился громаднѣйшій лексиконъ такихъ словъ и ихъ вариантовъ, и глупый Джибсонъ, съ полнымъ сознаниемъ своей талантливости, изоощрялся надъ выдумываніемъ самыхъ невѣроятныхъ, никогда неслыханныхъ гадкихъ словъ. Это былъ своего рода шикъ.

Надзора надъ пансіономъ со стороны ми-

нистерства народнаго просвѣщенія не существовало никакого. Разъ въ годъ прїѣзжалъ генераль, попечитель округа. Къ этому дню, всегда извѣстному заранѣе, все подчищалось, принимало приличный видъ. Тиммерманъ облакался въ отличный фракъ, сшитый его кузеномъ и другомъ, извѣстнымъ московскимъ портнымъ, расшаркивался передъ генераломъ, представлялъ ему учителей. Къ каедрѣ вызывались самые лучшіе и находчивые ученики и хорошо отвѣчали на заранѣе сообщенные имъ учителями вопросы.

Красивый генераль улыбался и, кивая головою, жалъ Тиммерману руку, раскланивался величаво-благодарнымъ поклономъ, и уѣзжалъ.

Тиммерманъ, красный какъ ракъ, самодовольно потиралъ себѣ руки, теребилъ себя за носъ, визжалъ: «silence»! проносясь по классамъ, и скрывался. Все входило въ обычный порядокъ.

И никакому начальству никогда и въ голову не могло прїйти, чѣмъ такимъ кормятъ воспитанниковъ въ этомъ модномъ, первомъ

московскомъ пансіонѣ, какъ ихъ моряť голодомъ, холодомъ, отсутствіемъ движенія на чистомъ воздухѣ, какъ ихъ распускаютъ и какіе примѣры имъ подають...

Учителя наши! Я тщетно ищу среди нихъ добрыхъ и умныхъ наставниковъ. Мы ихъ не любили, да и не за что было любить. Одинъ только бѣдный Ивановъ, Ивановъ «съ шишкой», оставался нашимъ всеобщимъ любимцемъ. Онъ невысоко париль и ученость его была не велика; но въ немъ заключался истинный огонекъ, любовь къ своему предмету — исторіи, а главное — любовь къ воспитанникамъ, человѣчность, доброе сердце. И хотя, благодаря милому пансіонскому воспитанію, между нами было много совсѣмъ испорченныхъ мальчишекъ, но даже самые испорченные — если и не понимали, такъ «чувствовали» Иванова.

Съ воспоминаніемъ объ этомъ любимомъ учителѣ у меня соединено воспоминаніе о катастрофѣ, послѣ которой я распростился съ пансіономъ и которая открыла моимъ родителямъ глаза на это милое заведеніе. Эта исторія является новымъ доказательствомъ

нашей распущенности. Я сыгралъ въ ней печальную роль героя... Впрочемъ, вся вина за мое геройство, какъ мнѣ кажется, должна опять-таки лечь на пансіонское воспитаніе. Дѣло было вотъ какъ:

IX

Нашъ бѣдный Ивановъ, слабый характеромъ, не вынесъ, очевидно, житейскихъ невзгодъ и кончилъ болѣзнию большинства подобныхъ ему людей, то-есть запоемъ. Болѣзнь эта одолевала его все больше и больше, все чаще и чаще приходилось ему манкировать въ классѣ. Иногда же онъ хотъ и являлся, но уже не въ своемъ видѣ, съ распухшимъ краснымъ лицомъ, съ трясущимися руками и ногами. Онъ начиналъ рассказывать, увлекался, говорилъ чудесно, и вдругъ останавливался, запинаясь, путался въ словахъ. Раза три онъ даже заснулъ въ классѣ.

Въ это время онъ преподавалъ намъ уже три года, со второго класса и до конца четвертаго, сумѣлъ пріохотить насъ почти всѣхъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ армянъ да двухъ нѣмчиковъ, къ своему предмету.

Надзиратели то и дѣло доносили Тиммерману о томъ, что господинъ Ивановъ является въ четвертый классъ «не способнымъ къ преподаванію». Наконецъ, Тиммерманъ лично убѣдился въ этомъ и имѣлъ съ Ивановымъ

тайное объясненіе. Недѣли три прошли благополучно. Но вотъ бѣдный Александръ Капитонычъ не удержался — снова запилъ. И вдругъ по четвертому классу разнеслась вѣсть, что Иванова больше не будетъ, что «нанять» новый учитель, Ивановъ же до конца года остается только въ маленькомъ классѣ, потому что Тиммерманъ сразу все-же не хочетъ его совсѣмъ выгнать.

Такъ оно и было. Въ слѣдующій часъ исторіи вмѣсто Иванова въ нашъ классъ явился Тиммерманъ въ сопровожденіи какого-то прилизаннаго, приличнаго господина съ бритыми усами и подбородкомъ, съ расчесанными черными бакенбардами и пробормъ по серединѣ.

— M-m... mes enfants! — воскликнулъ Тиммерманъ. — Это господинъ Решманъ, преподаватель исторіи. Онъ замѣнитъ въ вашемъ классѣ господина Иванова.

Затѣмъ Тиммерманъ обратился къ Решману, что-то вполголоса сказалъ ему по-нѣмецки, и умчался изъ класса, потирая себѣ носъ и будто боясь погони.

Весь классъ хранилъ глубокое молчаніе.

Решманъ взошелъ на кафедру, сѣлъ, посмотрѣлъ журналъ, улыбнулся и сказалъ на не совсѣмъ правильномъ русскомъ языкѣ:

— Изъ вашихъ отмѣтокъ я вижу, господа, что вы занимаетесь очень исправно; впрочемъ, можетъ быть, прежній учитель вашъ былъ черезчуръ снисходителенъ.

Легкій, почти неуловимый гулъ пронесся по ученическимъ скамьямъ и замеръ.

— Особеннаго снисхожденія отъ меня не ждите, — продолжалъ учитель: — я буду только справедливъ, только справедливъ! Теперь же я начну съ того, что расскажу вамъ урокъ къ слѣдующему классу.

Онъ вынулъ изъ кармана тетрадь и принялся читать по ней. Читалъ онъ монотонно, скучно, и при чтеніи еще рѣзче выказывалось его неправильное произношеніе. Раздалось нѣсколько громкихъ зѣвковъ. Решманъ не обратилъ на это никакого вниманія, дочиталъ до конца класса, потомъ сошелъ съ кафедры, кивнулъ головою и степенно, важно вышелъ.

Это былъ послѣдній урокъ въ тотъ день; пансіонеры должны были идти пить чай, а мы,ходящіе, расходились и разѣзжались

по домамъ. Но на этотъ разъ никто изъ четвертаго класса какъ-то не спѣшилъ въ столовую, всѣ мялись на своихъ мѣстахъ, въ смущеніи и нерѣшительности; даже армяне — и тѣ не трогались.

— Господа! — вдругъ крикнулъ я, чувствуя, какъ у меня что-то подступаетъ къ горлу. — Что-жъ это такое? неужели мы допустимъ?! Неужели мы ничѣмъ не выразимъ нашего уваженія кт Александру Капитонычу и такъ и склонимся передъ этимъ Решманомъ, который даже не умѣетъ говорить по-русски, читаетъ по тетрадкѣ и еще сразу, не зная насъ, начинаетъ грозить намъ?!

Мгновенно вокругъ меня образовалась густая толпа товарищей.

— Конечно, нѣтъ... это Богъ знаетъ что такое!.. И такъ вдругъ, почти передъ экзаменомъ, вѣдь, всего меньше мѣсяца остается... это такое оскорбленіе Иванову! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Что же ты думаешь, Веригинъ?

Я, собственно говоря, ничего еще не думалъ; но нужно было отвѣтить — и я, не задумываясь, сказалъ:

— Прежде всего сдѣлаемъ складчину и поднесемъ Александру Капитонычу какую-нибудь вещь на память о насъ и въ знакъ нашей любви къ нему и уваженія. Согласны вы съ этимъ?..

— Согласны! согласны! — хоромъ отвѣчалъ весь классъ.

— Затѣмъ, — продолжалъ я, разгорячаясь: — Решмана этого нужно осадить, такъ, чтобы онъ много о себѣ не думалъ; такого учителя, который не умѣетъ преподавать, намъ не нужно! докажемъ ему, что у него мы не хотимъ учиться.

— Отлично, отлично! Такъ, конечно! — кричалъ классъ.

— Завтра сговоримся, — рѣшилъ я, увидя, что въ дверь входитъ надзиратель.

Все стихло, пансіонеры устремились въ столовую пить чай. Я уѣхалъ домой взволнованный, въ нервномъ возбужденіи.

На слѣдующія день все было рѣшено въ подробностяхъ. Прежде всего классъ собралъ довольно значительную по нашимъ средствамъ сумму, и большинство голосовъ высказалось за то, чтобъ былъ заказанъ красивый пер-

стенъ съ вырѣзанными внутри словами: «Уважаемому А. К. Иванову отъ четвертаго класса».

Заказать перстенъ было поручено мнѣ. Затѣмъ рѣшили: въ слѣдующій классъ исторіи Решману урока не отвѣчать, вести себя шумно и неприлично. Весь классъ даль слово не отступать отъ этой программы.

И вотъ пришелъ ожидаемый часъ. Решманъ появился спокойный и чѣмъ-то, видимо, довольный.

Классъ дѣлалъ видъ, что совсѣмъ его не замѣчаетъ. Онъ раскрылъ журналъ и вызвалъ:

— Венде!

Разомъ поднялись и опустились съ грохотомъ всѣ пюпитры класса, такъ что учитель даже невольно вздрогнулъ. Затѣмъ все стихло, и къ кафедрѣ подошелъ Венде, маленькій, толстый и широкоплечій курчавый мальчикъ, сынъ известнаго въ то время въ Москвѣ генерала, и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Извольте отвѣчать вашъ урокъ.

— Я его не знаю...

Решманъ поднялъ брови, пристально взглянулъ на Венде и поставилъ ему въ журналъ нуль. Мальчикъ спокойно возвратился на свое мѣсто. Неистовый шумъ поднялся на заднихъ скамейкахъ, попитры хлопали, книги летали. Решманъ продолжалъ дѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Вертоградовъ! — вызвалъ онъ.

У каѳедры очутился выросшій изъ своего сюртучка здоровенный мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ нахальнымъ выраженіемъ лица и торчавшими вихрами. Это былъ сынъ священника, записной лѣнтяй и шелопай, способный на всякія некрасивыя вещи, но во всякомъ случаѣ ничего и никого не боявшійся. Онъ выставилъ впередъ нижнюю губу съ самымъ дерзкимъ выраженіемъ и объявилъ:

— Я тоже не знаю урока.

— И вамъ нуль! — спокойно замѣтилъ учитель.

Вертоградовъ въ три прыжка очутился на своемъ мѣстѣ и пронзительно мяукнулъ.

Решманъ внимательно разглядывалъ журналъ и, наконецъ, произнесъ:

— Веригинъ!

Я подошелъ спокойно и объяснилъ, что отвѣчать урока не буду.

— Вы не знаете?

— Нѣтъ, знаю, тѣмъ болѣе, что вы ничего новаго не рассказали, все это мы уже прошли съ господиномъ Ивановымъ.

— Такъ отчего же вы не желаете отвѣчать? Я васъ вызвалъ именно потому, что вотъ у васъ въ журналѣ только стоятъ все пять съ крестомъ!

Решманъ поставилъ и мнѣ нуль, а рядомъ большое *nota bene*

— Что же это вы, сговорились?

Я вспыхнулъ.

— Да, — сказала я:— мы съ младшаго класса учились у господива Иванова, мы его любимъ и уважаемъ... Теперь намъ не дали докончить съ нимъ четвертый классъ — это оскорбительно и для него, а для насъ.

— А я тутъ при чемъ? — съ усмѣшкой замѣтилъ Решманъ. — Такъ вы не хотите отвѣчать?

— Никто вамъ не отвѣтитъ...

— Вотъ какъ! Ну, это увидимъ.

Я вернулся на свое мѣсто и хлопнулъ пю-

питромъ. Гвалтъ и шумъ поднялся страшный. Но вдругъ Решманъ ударилъ кулакомъ по столу и крикъуль:

— Молчать! Не шумѣть, не то всему классу будетъ плохо!

Въ этомъ никѣмъ нежданномъ окрикѣ сказалась большая сила самоувѣренности. Всѣ, глядя на этого учителя, думали, что онъ смутился, даже струсилъ, — и вдругъ такъ кричить! Въ классѣ мгновенно стихло. Вызванный Решманомъ ученикъ, Мамиконіанецъ, или въ русскомъ переводѣ — Мамиконовъ, хотя не особенно твердо, но все-же отвѣчалъ урокъ своимъ гортаннымъ говоромъ.

— Что же это, господа? — растерянно обратился я къ сосѣдямъ.

Мнѣ ничего не отвѣтили. Я съ азартомъ хлопнулъ крышкой пюпитра. На сосѣдней скамьѣ отозвался мнѣ въ тонъ Вертоградовъ, въ другомъ концѣ класса хлопнулъ Венде. Но я видѣлъ, какъ сосѣдъ Венде армянинъ Мирзоевъ, далъ ему тумака и сталъ что-то внушительно объяснять. Воцарилось полнѣйшее молчаніе, только Мамиконовъ робко отвѣчалъ свой урокъ. Вся кровь бросилась

мнѣ въ голову.

— Подлецы! — крикнулъ я, и выбѣжалъ изъ класса.

Я бродилъ по корридору, шатаясь, какъ пьяный. Негодованіе, бѣшенство душили меня.

Въ это время раздался звонокъ. Я видѣлъ, какъ изъ четвертаго класса вышелъ Решманъ спокойной, мѣрной походкой.

Я кинулся въ классъ.

— Господа, развѣ это благородно?.. Развѣ это товарищество?!

Меня мигомъ окружила толпа, главнымъ образомъ, состоявшая изъ силачей армянъ; впрочемъ, были тутъ и русскіе, и нѣмцы. Меня притиснули въ уголь.

— А, такъ ты насъ подлецами всѣхъ обозвалъ!.. что-жъ ты думаешь, мы такъ это и будемъ слушать и облизываться, *bête féroce que tu es!* (любимое пансіонское выраженіе, сохранившееся и въ старшихъ классахъ). Вотъ тебѣ!.. вотъ!..

Два сильныхъ армянскихъ кулака треснули меня въ грудь.

Я разсвирѣпѣлъ и сталъ отбиваться, нано-

ся удары и вправо и влѣво. Но я былъ одинъ, а ихъ человѣкъ двадцать. Удары сыпались на меня и вдругъ кто-то такъ хватилъ меня въ спину, что я застоналъ и рухнулся на полъ.

Тогда толпа разступилась, два, три товарища изъ не бывшихъ меня, но и не защищавшихъ, такъ какъ никто не пришелъ мнѣ на помощь во время драки, подбѣжали теперь ко мнѣ, подняли меня и посадили на скамью.

Урокъ этотъ опять былъ послѣдній. Черезъ минуту классъ опустѣлъ. Я былъ почти въ забытьи. Два оставшихся со мной товарища схватили стоявшій на каюдрѣ графинъ съ водою — брызнули мнѣ въ лицо. Я очнулся; меня заставили выпить воды. Прошло нѣсколько времени.

— Веригинъ, да неужели ты не можешь идти?

— Могу! — слабымъ голосомъ произнесъ я, кашлянулъ — и отплюнулъ кровью.

Товарищи тревожно переглянулись. Я всталъ на ноги, сказалъ имъ «спасибо», съ ихъ помощью вышелъ изъ класса, дрожащими руками надѣлъ на себя пальто и фуражку, и уже самъ не помню какъ вышелъ на

крыльцо и сѣлъ въ прїѣхавшую за мной пролетку.

Къ вечеру я лежалъ въ жару. Побои оказались очень сильны и я послѣ того года два сильно страдалъ спиною и лѣчился у Захарьина. Въ пансіонъ я, конечно, не вернулся больше. Да и самому пансіону пришелъ конецъ. Старшіе воспитанники натворили нѣчто несказанное. Произошелъ крупный скандалъ. Тиммерманъ долженъ былъ покинуть свою педагогическую дѣятельность и сдать пансіонъ какому-то Тимму. Но звѣзда этого разсадника просвѣщенія померкла и ужъ не засвѣтилась больше.

1917